

ОТ АВТОРА
ГРОЗОВЫХ ВОРОТ

Александр Тамоников

Боевой расчет

Александр Александрович Тамоников

Боевой расчет

Серия «Тамоников. Честь имею»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125897
Тамоников А. Боевой расчет: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-17239-4

Аннотация

Даже если спецназовец и уходит со службы, в душе он по-прежнему боец. Бывший командир отряда подполковник Астафьев снова, как и в старые времена, готов воевать. Так уж сложилось, что он должен освободить заложницу из рук чеченских бандитов. Попав на Кавказ, Астафьев разыскивает своих однополчан и собирает бравую команду. Этот боевой расчет одолеет кого угодно – и чеченских отмороzków, и их российских «коллег», с которыми у подполковника свои счёты...

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	23
Глава третья	39
Глава четвертая	57
Глава пятая	76
Глава шестая	95
Глава седьмая	110
Глава восьмая	126
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Александр Тамоников

БОЕВОЙ РАСЧЕТ

Часть первая

Глава первая

Железные двери центральных ворот, около которых всегда толпился народ, в основном женщины с какими-то сумками, пакетами и робкой надеждой в глазах, отворились. Оттуда в суету женских тел вышли двое мужчин. Еще не пожилых, одетых в одинаковые ватники, сапоги и цигейковые, не по сезону – на дворе был только август – шапки. Мужчины сразу же попали в окружение тех, кто толпился у ворот, так как ни у кого не вызвало сомнения, что зона выбросила к ним отсидевших свое зэков. Со всех сторон посыпались вопросы:

- Из какого отряда?
- Кулешова Васю не знали? Из второго...
- А Кулебу?

Много вопросов, но вышедшим из зоны было не до них. Машинально отвечая невпопад, они пробились сквозь живой заслон и пошли улицей, зажатой с одной стороны вы-

соким, с проволочной паутиной забором, с другой – глухой деревянной оградой, за которой виднелись крыши бараков обслуживающего персонала исправительного учреждения и ветви фруктовых деревьев.

Бывшие зэки остановились, пройдя метров сто пятьдесят, закурили.

– Ну вот, Серый, и воля!

– Да, воля... – поежившись от пронизывающего ветра, ответил тот, кого называли Серым, – Серов Иван Фомич, оттянувший свои семь лет за разбой.

Подбили его в свое время кореша бомбануть один магазин на отшибе. Бомбанули! И тут же на ментовской патруль налетели, а Гвоздь – мудака, еще и обрез вытащил. Вооруженное сопротивление при задержании заработали ни на чем, а вдогонку и пару лет кичмана на каждого. Гвоздю, тому червонец врубили, а ему, Серому, за то, что даже в магазин не вошел, а только рядом стоял, семерик! И без базара! Групповуха!

И теперь вот – воля, такая долгожданная там, за запреткой, и какая-то обыденная сейчас, здесь, на мокрой улице...

– Куда дальше? – спросил Малой – Большаков Евгений Александрович.

Молодой крупный и крепкий парень, он на прежней зоне имел погоняло К-700 за свою непомерную силу. Здесь его называли Малой, чему сам Евгений был не против. По жизни он был сиротой, воспитывался в детском доме, из кото-

рого его определили на курсы трактористов и отправили по окончании в один из разваливающихся и спивающихся колхозов. Там Евгению понравилась одна девушка. Но вот беда, за ней ходил местный деловой. А девушка потянулась к Евгению. Деловой со своими делопутами решил проучить наглого чужака, заманив его как-то за деревенский клуб. И «проучил»! Сам-то ушел в сторону, а вот двое его корешей так и остались лежать замертво на песке после двух сокрушительных ударов Жени Большакова. Ему бы остановиться на этом, дураку, но Женя принадлежал к той категории людей, которых лучше не «заводить». А его «завели». И вскоре у реки к лодкам был прижат местный деловой. Хоронить его не пришлось, река унесла тело местного авторитета, никакие поиски не помогли. А Большакову дали восьмерик, по совокупности, учитывая первую судимость и смягчающие обстоятельства, выявленные по ходу следствия!..

– Знать бы, Малой... – Серый осмотрелся.

Осенний неприветливый пейзаж, ветер и начинающийся дождь настроения не прибавляли. Не то что вчера, когда они с братвой затеяли отвальную. Вчера за ведром чифирия все представлялось в ином свете, а главное, была уверенность в том, что завтра все изменится. Впереди – воля, а что может быть желанней для ээка?

И теперь вот она, воля, перед ними, уходящая вперед и назад грязной улицей, смотрящая на них нависшими свинцовыми тучами и окропившая первыми каплями мелкого до-

жды. Воля!

Бывшие зэки, натянув поглубже шапки, двинулись в сторону центра поселка, туда, где была хоть какая-то жизнь и не было этой обвисшей с черных длинных жердей ржавой проволоки. Как не было и угловой вышки, с которой за ними, словно они до сих пор являлись объектом охраны, закутавшись в плащ-палатку, внимательно следил часовой.

Они приближались к станции, когда им навстречу вышел дед с широкой окладистой бородой. Он вышел так же, как и они, из-за поворота. В длинном плаще с капюшоном, частью скрывающем лицо. Шел он по стороне, где остановились прикурить бывшие зэки. Серый и Малой заметили его, но внимания не обратили. Идет себе дед, ну и пусть идет! Но тот около них остановился. Осмотрел взглядом колючим, цепким. Спросил неожиданно крепким, далеко не старческим голосом:

– Ну что, бродяги, откинулись?

– Откинулись! – ответил Серый.

– Это хорошо! Долго чалились?

– Тебе, старый, какое дело до этого? – в разговор вступил Малой.

– Ты прав, паря, никакого! Только я там, – указал дед в сторону зоны, – червонец свой от звонка до звонка отмотал! Но базара нет, не хотите говорить – за язык не тяну. Дело ваше. Вы теперь птицы вольные, летите, куда нелегкая занесет!

Сказав это, он повернулся, собравшись продолжить свой

путь, но его остановил Серый:

– Дед! Погодь! Побазарим!

Дед остановился.

– Эх, горемыки! Под дождем базарить будем али, может, ко мне в хату пройдем, она тут недалече?

Услышав столь привлекательное приглашение, Серый с Малым почти в один голос ответили:

– Да на хате было бы ловчее!

– Ну, так пошли! Краем тропы идите, чтобы грязь за собой не тащить!

Троица, ведомая дедом в плаще, свернула в переулок.

Хата имела две небольшие комнаты, одна из которых служила кухней, а другая была разделена надвое настоящей русской печью собственно на комнату и занавешенную цветными занавесями спальню. Были еще сени, метр на три, с выходом на покосившееся крыльцо. Все это, крытое латаной-перелатаной шиферной крышей, и составляло жилище деда Ефима, как представился старик у входа. И все же это был уже дом, крыша над головой. Место, где можно раздеться, согреться, обмыться, просушиться. Выспаться, наконец!

– Проходите, – дед Ефим указал на лавку возле печи. – Скидавайте все, что промокло, – я тут поищу кое-какой скарб, на время приодеть вас.

– Холодно будет, – заметил Серый.

– Не волнуйся. Это я печку не топил, два дня дома не был. Зарядим печку, до трусов разденетесь!

Старик из-под кровати, стоящей за занавесками, вытащил сундук, открыл его, и к лавке полетели штаны, рубахи, майки, свитера.

– Переодевайтесь! И давай один со двора из-под навеса дрова таскать. Топить хату будем!

Вскоре в избе стало жарко, даже форточку приоткрыли. После того как бывшие зэки обмылись над широким ржавым корытом, они уселись на лавке друг рядом с другом. Истома охватила их. Еще выпить бы и пожрать, да баб каких-никаких.

Дед словно читал их желания. Да и ничего в этом странного не было – сам прошел то же самое, сам из бывших зэков. А значит, с понятием, братву всегда поймет! Ефим накрыл на стол – чашку с дымящимся картофелем, пару селедок, консервы, крупно порезанный кусок сала, лук, чеснок, хлеб и соль. Посередине выставил две бутылки с самогоном.

– Давай, братья, налегай на то, что бог послал. Угощайтесь. Самогон – первач, почти спирт, аккуратней. Дряни нет, напряги с ней сейчас в поселке.

Выпили, закусили, закурили.

Серый спросил:

– А вообще, что за житуха сейчас?

– Это смотря о чем ты спрашиваешь, – ответил, прищутив глаз, дед Ефим, который лишь пригубил свой стакан.

– О том, что вот волю дали, а куда с ней? Что за жизнь кругом? Мы же ее через клетку и видели.

– А что жизнь? – отвечал дед Ефим. – Она для кого как обернется, кому фарт выкинет, кого в обратку на кичу кинет. Аль не знал этих истин?

– Знать-то знал. Я вот о чем, дед! Мы с Малым здесь, на зоне, слышали, что некоторые, как откинутся, на «рыжье» в тайгу уходили. В артели там разные. Правда это?

– Дома-то что, никто не ждет?

– Где он, дом этот? Был, да весь вышел, – ответил Серый. – Моя с другим живет, семья, вишь ли, у них. Туда дороги нет! А Малой – сирота, как паспорт получил, так и сел. Нам ехать некуда!

Малой поддержал товарища:

– Никто нас, дед Ефим, не ждет. Мы на зоне уже думали, решили, если получится, за эти места зацепиться.

– А кто тебе помешать может? Человек живет, где хочет! Хочешь жить здесь – живи, хочешь – кати на юга, ты свободный человек!

– Ну кто знает, может, тута какие свои особые законы?

– Законы для всех везде одинаковые, запомни это, паря. А вот насчет работы... – старик задумался, скрутил сигарку, закурил.

Серый и Малой смотрели на него.

Пауза затянулась надолго. Наконец дед Ефим спросил:

– Работу, значит, рассчитываете тут найти? В тайге-то самой хоть раз были? Жили в ней? Знаете, что это такое?

– Откуда? Не приходилось, – ответил Серый.

– То-то и оно, что не приходилось. Тайга – это, брат, тебе не просто лес! К себе она легко пускает, вот только обратно отдает с трудом! Тайгу понимать надо! И привычку таежную иметь!

– Привычка со временем приходит. После колючки ко всему привыкнуть можно!

– Можно! Согласен! Только не любит тайга чужаков.

– Так помоги, вразуми, научи! За нами не станет, я верно говорю, Малой?

– Верно!

– Ладно! Поглядим! Не пьяный это разговор. Вы давайте, расслабьтесь пока. Чего сразу о делах? В себя придите. Зона, она тоже долго от себя отпускает!

Он разлил по стаканам спиртное:

– Давай, братва, за тех, кто там, за колючкой, остался. За тех, кто срок свой тянет!

– Давай, дед Ефим! Правильные слова говоришь. За тех, кто на зоне!

Выпили. Молча закусили. Малой откинулся с блаженной улыбкой на теплую стену печки:

– Спасибо тебе, дед, за хлеб, за соль, за приют. Все ништяк! Одну бы просьбу...

– Говори, чего замаялся?

– Да ты сам должен понять. Столько лет и без бабы! Нелзя ли тут, дед, шалав хоть каких найти? Платить нечем, но, может, кто так, из тех, что без мужиков живут! А, дед? С

этим можно че придумать?

– Баб вам? – дед неожиданно улыбнулся.

– Ты чего? – спросил Малой.

– Да так! Вспомнил, как сам вышел. Напомнил ты мне кое-что! Ну да ладно! Вы пока тут пейте, отдыхайте, найду я вам баб, надолго запомните. Только глядите, от первача под стол к приходу дам не свалитесь!

– Ну ты че, в натуре? Все будет ништяк! Мне бы потолще, дед, а? Не жлыгу шпальную. Это Серому по херу какую, а я толстушек уважаю, постарайся, дед Ефим.

– Какие будут. Пошел я. Организую вам бордель, кувыркайтесь. У меня дела, буду часов в одиннадцать. Двери со двора на вертушку прикроете. Баб на ночь не оставлять, да я их сам предупрежу, со стола все уберете. Если еще выжрать захотите – там, в сенях за лавкой, еще литр. Найдете!

– Ну, дед Ефим, спасибо тебе! Настоящий мужик, в натуре! Не забудем, – провожал старика Малой в предвкушении скорого разврата.

– Поглядим! Из дома ни ногой. Не вздумайте по улице шарахаться, а то воля в момент кончится, менты здесь хуже псов цепных. Предупреждаю! Да и меня подставите, коли сгорите. Дома кайфуйте, горемыки!

– Базара нет! Сделаем, как сказал, отвечаю! – Малой приложил руку к сердцу, закрывая за дедом дверь.

Ефим вышел на улицу, накрылся все тем же плащом с капюшоном под усилившимся дождем и повернул к центру по-

селка.

Недалеко от церкви он подошел к дому с покосившейся калиткой, вошел во двор. К нему метнулся лохматый и злобный пес по кличке Бес. Узнал гостя, спрятал клыки, завилял хвостом, гремя огромной длинной цепью.

Дверь дома открылась, в проеме показалась широкая прыщавая физиономия женщины лет сорока.

– Кого это там принесло? – спросила она.

– Не узнала, Зинка?

– Дед Ефим? Чегой-то решил наведаться?

– А то не знаешь? Ну хорош базарить, в дом думаешь приглашать или хахаля какого пригрела?

– Хахаля! Скажешь тоже! Только ты и можешь помочь бедной женщине в таких делах, проходи!

Дед Ефим прошел в сени, снял плащ, сапоги, вошел в комнату, где, как обычно, все было разбросано. Неопрятное жилище неопрятной женщины. Старик сделал ей замечание:

– Зинка! Ты хоть бы в собственной хате порядок навела! Живешь, как в свинарнике, в натуре. Ладно бы мужик, но ты же баба!

– Ты че, стыдить аль учить меня жизни явился, старый хрен? Али еще чего надобно? Если мозги мне сношать, то вали отседа. Кому какое дело, как я живу? Как хочу, так и живу, понял? На остальное мне плевать! Так с чем пришел, Ефим?

– Ладно! Жаль, разувался.

- Ничего твоим портянкам не будет, так говори, я слушаю тебя!
- Живи ты, Зинка, как знаешь! А к тебе дело есть, работа!
- Что за работа?
- Ну не придуряйся.
- И все же? Интересно мне, спасу нет!
- У меня дома два бывших зэка, только из зоны откинулись. Теперь поняла, что за работа?
- Как не понять? – заулыбалась Зинка. – Изголодались твои гостюшки?
- Изголодались!
- А я должна прихоти их исполнить, так?
- Кончай паясничать, а то я могу и рассердиться! – повысил и так громкий голос дед Ефим. – А со мной, Зинка, шутки плохи!
- Ну ладно, ладно, не дашь даме поломаться для приличия!
- Возьми с собой Ленку или Муху и чешите ко мне на хату, на случку, сучки!
- Сучки?! Слова бы подбирал! Оплата?
- Договоримся!
- Надеюсь, концы у мальчиков в порядке? Не обмылки?
- В порядке! Как раз под ваши размеры. Да еще с сюрпризами!
- Вот это я люблю! Сюрпризы – это вещь! Бухалово есть или свое взять?

– Есть, чтобы целый день куролесить!

– Все поняла! Считаю, уговорил, черт старый!

– Уговорил? Да ты за этим делом без всяких уговоров полетишь, как бешеная. Знаю тебя, шалаву!

– Ты давай, дед, иди! Мне еще себя в порядок привести надо!

– Давай, но запомни: кого ты там с собой возьмешь, мне без разницы, и что вы вытворять там будете, тоже, но чтобы без визга и шума. Чтобы до соседей ничего не дошло, поняла?

– Поняла, поняла, в первый раз, что ли?

– И учти, в одиннадцать бабы из дома вон! И мужиков за собой не тащить! Предупреждаю. Не дай тебе бог, Зинка, послушаться, старшой там будешь! С тебя и спрошу! Соберись и вперед, работать, невеста!

С этими словами дед Ефим вышел из дома проститутки. Кислый запах ее пропитой хаты сменился свежим порывом чистого осеннего воздуха. Ефим немного постоял, жадно вдыхая этот чистейший, пьянящий аромат приближающейся осени.

С этим решено! Теперь надо к «бугру». А это на противоположный конец поселка. Но делать нечего. Времени навалом, можно не спешить. Он перешел улицу, свернул в узкий проход, направляясь в сторону реки. Ефим пошел задами, чтобы зайти в нужный дом с тыла, от глаз подальше.

Добротный дом на излучине встретил его скользкой, под-

нимающейся от деревянных мостков ступенчатой дорожкой. Сюда, в этот неприветливый дом, он всегда приходил со стороны реки и всегда с трудом преодолевал эту земляную лестницу, не забывая помянуть ее парой крепких словечек из своего богатого лексикона.

Сегодня подниматься было труднее, ступени были мокрыми, и если бы не проволочные поручни, неизвестно, добрался бы вообще наверх старый Ефим. Оттого и был он в мрачном расположении духа. Пацана нашли по лестницам лазать.

Выйдя на площадку, Ефим оглянулся, выругался:

– Черт, злодерьмучка проклятая, так и смотри, чтоб не скovyрнуться вниз. А слова, блин, не скажи! Так принято! Эх, горе наше тяжкое!

Отдышавшись, дед прошел во внутренний двор, обнесенный высоким деревянным забором с двумя рядами колючей проволоки поверху.

Эта проволока всегда вызывала у деда Ефима одну и ту же реакцию:

– Как на зоне, в натуре!

Но и лестница, на которой ему приходилось корячиться, и проволока, протянутая по забору и сильно раздражавшая деда Ефима, и те ругательства, которые он беспрестанно повторял, поднимаясь в этот дом, всегда относились только к вещам, но никогда к тому человеку, который и придал всем этим вещам настоящее положение, – хозяину дома – угрюмому Якову Петровичу Голонину.

И хотя по годам Ефим и Яков были почти ровесниками – обоим было около восьмидесяти, Яков Петрович всегда был старше. И раньше, на зоне, и потом, на поселении. Был он старшим и сейчас, когда с тех пор утекло много воды. Старшим по своему положению. И это Ефим безоговорочно принимал и такому раскладу подчинялся.

Старый кобель Дозор при появлении деда Ефима даже не вылез из своей сухой будки, лишь проводил одним своим красным глазом гостя, вновь уткнувшись мордой в лапы.

Ефим открыл двери сеней, прошел до середины, нащупал в темноте ручку двери, ведущей в жилую часть, открыл ее.

За длинным столом сидел Яков, рядом суежилась то ли его внучка, как утверждал сам Голонин, то ли девка какая при- блудная – точно никто в поселке не знал. Звали эту длинно- ногую, тощую, как жердь, плоскую по всем статьям деваху без возраста Настей. Ее как-то привез из Верхотурска быв- ший зэк и знатный охотник Яков Петрович Голонин, один из немногих в крае прилично знающий тайгу и ее скрытые тайны. А это, считай, не одна тысяча гектаров девственного леса, с его болотами, реками, утесами и звериными тропами.

– Здорово будь, Яков Петрович, – поздоровался дед Ефим, зайдя в горницу.

– И тебе того же, проходи, присаживайся, время пол- дничать, – стрелки на старой «кукушке» рядом с образами действительно вплотную приблизились к полудню. – Настя! Принеси поснедать гостю дорогому, да графин не забудь! Да-

вай, поживее, – Яков Петрович шлепнул свою родственницу по тощему задку, – а потом иди к тетке Матрене, поможешь ей.

– Но, дядя Яков! Я хотела...

– Я тебе чего сказал? А? Не поняла, дура? После Матрены сделаешь, что хотела.

– После поздно будет, – надулась Настя.

– Переживешь! Ну, чего встала, как струя на морозе? Шевели мослами, пока я тебя вожжами не подогнал!

Женщина внесла второй прибор для Ефима, выставила, как и велено было, графин с водкой и две рюмки.

Яков Петрович глянул на старого знакомого.

– Давно, Ефим, не встречались!

– Недели две!

– Да? А мне казалось, больше. Но все одно, давай по сто-парю, за встречу!

Выпили, начали обед из старинной посуды, непонятно каким образом оказавшейся у Якова.

Отодвинув пустую тарелку из-под первого, Яков сказал:

– Чую я, новость у тебя ко мне?

– Есть маленько!

– Ну? Говори!

– Помнишь, ты говорил, что нужно пару человек из зоны встретить?

– Конечно, помню!

– Вышли они сегодня.

– Так! Те, кого Порох нам из-за колючки порекомендовал?

– Их! А боле никто и не выходил! Подобрал! Специально, можно сказать, с утра возле забора дежурил. Как вышли бе-долаги, я к ним. К себе отвел. Напоил, накормил, как и до-говаривались.

– Что они говорили, какие планы строят?

– Как Порох в маляве передавал, хотят тут остаться, мол, идти им некуда, да и незачем пустыми.

– Понятно! Сейчас что делают?

– Блудят!

– Не понял?

– Да как выпили, пожрали, баб им захотелось. Вот и от-правил к ним Зинку с подругой, развлекать до вечера. Всех предупредил, что шалман до одиннадцати часов и только в хате. Посмотрим, как контролируют себя!

– Хорошо! Ты все правильно, Ефим, сделал. Сегодня пусть отдыхают. А вот завтра!.. Завтра сделаешь следующее, слушай внимательно, не ошибись по старости. Ну-ну, не оби-жайся, я же так, по-дружески!

Яков Петрович наклонился к Ефиму, тихо, слегка жести-кулируя руками, что, впрочем, было его привычкой, о чем-то долго говорил последнему, закончив словами:

– Все запомнил, Ефимушка?

– Запомнил, Яков Петрович!

– Вот и добро! Дело задумано нешуточное, Ефим! Ошиб-

ка, даже малейшая, пусть случайная – смерть! Запомни это.

– Запомнил!

– И этих как надо настрой!

– Ну, за них я не в ответе, хотя буду стараться!

– Старайся, Ефимушка, старайся. Сторицей потом старание твое окупится, слово тому мое!

– Я все понял!

– Сейчас, погоди!

Яков Петрович прошел к шифоньеру, закрыв его своей широкой спиной, минуту копался в белье. Вернулся за стол, бросил перед Ефимом пачку десятков.

– Возьми штуку. За работу. Ребята пусть едут на подсосе, как обычные зэки, чтобы не вызвать ненужного интереса у ментов и им не дать повода глупость какую сотворить.

– Спасибо!

– Да ты что, Ефим, – похлопал Яков старого сокамерника по плечу, – мы ж не чужие, поди, столько вместе пережили.

Яков Петрович взял графин, налил по новой:

– Ну, вот! Дела как будто обсудили, на этом о них и закончим. И теперь, брат, спешить нам некуда. Смерть за нами сама придет, рано ли, поздно. Давай выпьем! Старое вспомним. Тайгу. Помянем людей, которые ушли в нее, да так и остались там. За все, что было! И спой, Ефим, эту, кандальную. Она мне слезу вышибает! Давай, Ефимушка! За дело наше тяжелое, за жизнь нашу, в корню срезанную! Пей, Ефим!

Вернувшись домой к одиннадцати часам, дед Ефим, обойдя усадьбу, зашел в хату. Там он обнаружил полный разгром и разруху. На столе и под ним валялись пустые бутылки из-под самогона, окурки, затушенные прямо на полу. Разбитая чашка чуть в стороне и вокруг нее квашеная капуста, веером разнесенная по всей комнате. Лавки опрокинуты. На ножке одной из них даже висела принадлежность нижнего женского белья – разорванные пополам трусы. Видно, кто-то из ребятишек дорвался до лохматого сейфа и не выдержал, пошел напролом. Баб не было. Как он и приказывал. При подходе к дому тоже никакого постороннего шума, значит, шалман куролесил всюду, но условия, как мог, соблюдал. Бывшие зэки спали кто где, но оба на полу. Один возле печи, широко раскинув руки и открыв черный от прогнивших зубов рот, из которого доносился протяжный, с подвывом храп. Это Малой. По его комплекции ему все же больше подходило погоняло К-700, огромная сила угадывалась в его крепком обнаженном теле с первого взгляда.

Второй, Серый, валялся между столом и вставшей на попа лавкой. Видно, одна из баб толкнула слишком надоедливого ухажера, тот и полетел в угол, да так и не смог подняться, вырубившись.

Оглядев весь этот бардак, старик снял в красном углу одну-единственную икону, ушел с ней за занавеску, где в торце нагретой печи стояла его почти квадратная кровать. По-

ставил образ Спасителя на нее, прислонив к стене, начал молиться. Так, как мог! Своими словами, потому что за всю свою долгую жизнь ни одной молитвы так и не выучил, только: «Спаси и сохрани, господи! Сбереги в день грядущий!»

Глава вторая

Как только дед Ефим покинул старого товарища, Яков Петрович приказал вернувшейся Насте прибраться в доме, протопить печь и ложиться спать, его прихода не дожидаясь.

– А ты куда на ночь собрался? – спросила родственница.

– Покудахтай у меня, курица ошипанная! Сказал, что делать? Так делай! А вопросы оставь при себе, заботница!

– Уж и спросить нельзя, как будто в прошлом веку живем аль у староверов каких. У других вон и телевизоры цветные, и магнитофоны, а тут, как в монастыре, – вдруг возмутилась обычно недовольная, но молчаливая Настя.

– Та-ак! Разговорилась, значит! Супротив деда голос подняла? А ну иди сюда, стервоза! Кому сказал?

Женщина поняла, что сболтнула лишнего, но слово не птица, как говорят...

– Ну ладно тебе, дед! Не хотела я так-то!

– Я... тебе... что сказал?

– Ну не надо! Прости, дуру, больше слова против не скажу, обещаю!

– Так, сука длинноперая, ты еще и глухая? Иди сюда, тварь!

Видя, что дед разошелся не на шутку, Настя подошла и тут же получила сильный удар тростью, с которой всегда выходил Яков Петрович из дома. Удар пришелся по голове, по

лицу, начисто срезав бровь. Настя схватила за голову, из раны липким потоком хлынула кровь. Второй удар, по затылку, лишил женщину сознания. Яков открыл лаз в погреб, ногами подтолкнул к нему бесчувственное тело Насти, пинком толкнул вниз по крутой лестнице. Внизу раздался многоголосый возмущенный писк крыс, которые с самого момента возведения этого дома прочно оккупировали подвальные помещения. И ни одно средство против них не помогало. Яков Петрович, закрывая лаз на засов, проговорил:

– Полежи, сука, среди крысятника да на льдине, глядишь, поумнеешь или сдохнешь. Что тоже потерей большой не будет, надоела уже, дубина тощая!

А замену ей он быстро найдет! Вон сколько из беженцев по вокзалу Верхотурска отирается. К нему любая пойдет! И не только в качестве прислуги. Он еще того... не смотри, что восьмой десяток идет, приголубит так, что бабе и молодого не захочется.

Яков Петрович надел пальто – дождь на улице час как кончился, – вышел из ворот, захлопнув их на внутренний замок, и, освещая дорогу мощным фонарем, пошел в сторону поселкового Совета народных депутатов. Там у дежурного была прямая телефонная связь и с Верхотурском, и Бородином – вторым крупным в округе поселком, отстоящим от этих мест на триста верст, и, что самое главное, с прииском «Веселым», куда и нужно было позвонить Якову Петровичу. Интересно, какой шутник дал прииску такое название? В добы-

че золота ничего веселого не было, скорее наоборот, больше мрачного и еще чего-то злобно-страшного.

Дежурным оказался старый знакомый и сосед Якова Коновалов Иван Егорович, когда-то бывший капитан внутренней службы и бывший начальник отряда, в котором числился на зоне сам Яков Петрович Голонин.

Яков остановился, закурил. Воспоминания отчего-то неожиданно проснулись в нем после долгой спячки.

После освобождения бывший зэк, как и большинство местного населения, осел в поселке, где и отбывал срок. Вообще же поселок Рахтур, если посмотреть внимательно, делился в основном на бывших заключенных местной колонии и также бывших и нынешних служащих зоны. За некоторым, естественно, исключением – медперсонала, учителей, военнослужащих небольшой воинской части, стоящей на удалении в несколько десятков километров от поселка. Которое, впрочем, только усиливало впечатление разделения поселка на два лагеря. Зону и охрану!

И если за запреткой протекала своя, строго регламентированная жизнь и отношения там между людьми складывались по своим, укоренившимся понятиям, то на воле, в метре от забора эти отношения сглаживались, резко не разделяя население. Даже наоборот. Иногда бывшие зэки и их же бывшие надзиратели становились друзьями. И жили рядом, и умирали рядом, провожая друг друга в последний путь со слезами на глазах, искренне переживая утрату. Такова жизнь!

Дверь в поселковый Совет была закрыта, лишь тусклая лампочка-сороковка еле освещала пространство, немного задевая небольшой участок обширного крыльца да выхватывая часть выцветшего полотна трепыхающегося под порывами ветра государственного флага страны.

Яков Петрович прошел по крыльцу к единственному светящемуся изнутри окну здания. Туда, где находилось дежурное помещение с телефоном.

Бывший капитан – это было видно в разрез занавесок – вприкуску пил чай, одновременно читая газету.

Яков Петрович тихо постучал в стекло. В окне показалось лицо Коновалова. Он узнал стучавшего, пошел к двери, открыл.

– Ты чего, Петрович?

– Прогуливался вот. Думаю, дай зайду к старому знакомцу.

– Не брешь! Попрешься ты в этакую темень по грязи прогуливаться. Мне-то не брешь! Я ж тебя как облупленного знаю.

– А ты все тот же мент, Егорыч! Никому, никогда и ни в чем не веришь!

– Жизнь научила!

– Ну ладно, расколол ты меня, хотя тут и колоть-то нечего было, так что особо не гордись. Прав ты, конечно же, не просто так я пришел сюда.

– Вот так-то лучше!

– Внутри пропустишь или на ветру держать будешь? А может, не положено, гражданин начальник? Объект-то стратегический! Целый Совет депутатов!

– Не изгаляйся! Заходи, коль пришел!

Яков Петрович прошел вперед, Коновалов закрыл дверь на щеколду, пошел следом:

– Ты иди, иди, что встал? Аль дежурку не видишь?

Расположились они за небольшим канцелярским столом на двух жестких стульях. Голонин спросил:

– Егорыч, а тебя ночью кто проверяет? Службу твою?

– А тебе что? – подозрительно взглянул Коновалов на Якова Петровича. На что тот резко ответил:

– Да что ты, в натуре, ментом-то на меня косишься? Сколько лет рядом живем, а ты все косишься? Пузырь у меня с собой перваку да кусок сала-свежанинки. Вот и спрашиваю, может, дернем спокойно, старое вспомнив, или кто посторонний помешать может?

– Да?

– Да! А ты чего подумал? Что я тебя грохнуть здесь собрался? Да стол твой канцелярский с тараканами вместе вытаскать?

– Ничего я не подумал! Привычка! А выпить? Что ж? Выпить можно! Сало, говоришь, свежее?

– Гляди сам!

Голонин достал сверток, развернул. На стол аппетитно лег приличный кусок сала, с двойной толстой прослойкой мяса,

плотно нашпигованный чесноком.

– Да-а, – оценил бывший капитан товар, – закуска знатная, что и говорить! Под нее не только полбанки раздавить можно. Устраивайся. Да занавески зашторь! Чтобы с улицы видно не было. А проверяют меня, – неожиданно вернулся к заданному ранее вопросу Коновалов, – только по телефону, из Верхотурска, с часу до трех. Это, значит, чтобы службу бдил, не спал, короче!

– Режь, Егорыч, сало, а я звонок один сделаю. Ты не против?

– Куда звонить собрался?

– На прииск! Начальнику, Жилину.

– А! Дружку своему? Не поздновато?

– Нет, в самый раз.

– Как последняя рыбалка?

– Да никак! Нажрались только. У водилы Жилина, Филиппа, как раз день рождения выпал, вот и вдарился молодежь по пойлу. С утра, правда, взяли пару десятков кило, но это, сам понимаешь, баловство одно!

– Сейчас по новой, что ли, собираетесь?

– Не знаю, намекал Сергеич, как приезжал, хочу вот уточнить. Он же знаешь какой? Не смотри, что ему едва за тридцать перевалило, привык, чтобы все по его было. Нагрянет, а у меня не готово ничего! Будет мозги парить!

– Ну, звони! Только линию долго не держи!

– Я быстро!

Яков Петрович набрал номер. Скрип и шум мешали, но сказать главное удалось, правда, немного повысив голос:

– Алло? Жилин? Дмитрий Сергеевич?

– Да! Кто на проводе?

– Не узнали? Петрович я! Голонин Яков Петрович!

– Все! Понял, говори!

– Когда на реку пойдём?

– Ты не один у телефона?

– Нет!

– Тогда слушай и отвечай, чтобы посторонний ничего не понял.

– Добро!

– Клиентов подобрал?

– Да!

– Сколько нужно времени на подготовку этой пары? Чтобы все официально провести?

– Думаю, через недели две с небольшим сможем организовать рыбалку. Если, конечно, здоровье не подведет! Тогда уж ничего не сделаешь, все под богом ходим!

– Ты мне брось это! Значит, через две недели пойдешь по Алле вверх. Днем, чтобы люди видели. Потом протоками вернешься, уйдешь за поселок по открытой воде. До причала дома охотника. В четверг к полуночи пойдешь к железнодорожному мосту, подберешь там первого клиента. Как пройдет пассажирский поезд на Бородино. В следующую ночь повторишь поездку, заберешь второго с товарняка! После все-

го возвращайся домой. Запомни, для тех, кто прибудет, ты глухонемой, понял?

– Все понял! И все приготовлю, Дмитрий Сергеевич! А чего это вы решили вверх подняться? Там же пороги?.. А? Понял! Все, все... сказал же: понял, мне какая разница? Вы только с собой больше шалман не тащите.

– Клиентов этих из Рахтура Ефим пусть завтра же отправляет! И по-тихому, ясно?

– Ясно, ясно!

– Работай, Яков Петрович! До встречи!

– До встречи!

Начальник прииска положил трубку. То же самое сделал и Голонин. Кивнул на телефон, обращаясь к Коновалову:

– Горяч! Не любит, когда против слово скажешь!

– Это насчет шалмана?

– И насчет него тоже. И потом, с чего вдруг решил наверх податься, какая там рыбалка?

– А если в протоках?

– Ну если только так! Но раньше-то все больше на открытой воде промышляли.

– Жилин – начальник, захотелось ему в протоки, и баста! А ты молчи и исполняй, потому что по сравнению с ним ты, несмотря на свой почтенный возраст, – так, грязь из-под ногтей, извини, конечно, не в обиду будь сказано!

Яков Петрович тяжело вздохнул:

– Да за что извиняться? Если так оно и есть. Так, подсоб-

ный материал. Вот скоро придется по его воле на двое суток отчалить, а я далеко не молодой, мог кого и другого послать на реку!

— Ну ладно, пошел он к черту, — пригласил к столу бывший начальник отряда. — Начнем, а то и слюной недолго подавиться.

— Ты прав, Егорыч, наливай!

Яков Петрович сделал свое дело. Он сообщил кому надо, что люди, которых планировалось привлечь к дерзкой, опасной, но и прибыльной акции, могут собраться через пятнадцать дней в условленном месте. Остается, правда, неизвестным, как на предложение участвовать в преступлении сразу после отсидки отнесутся Серый с Малым. Но Яков Петрович был почему-то уверен, что дело выгорит. Куда им, бедолагам, по большому счету деваться-то?

А поэтому взял стакан и бутерброд с ароматным салом, медленно, смакуя, выпил жидкость крепостью никак не меньше семидесяти градусов. И не поморщился. Закалка! После посиделок с бывшим ментом Яков Петрович прошел до дома деда Ефима, вызвал того на улицу, чтобы бывшие зэки не видели, передал приказание Жилина. Выпустил он Настю через три часа, как вернулся домой. Замерзшую, трясущуюся, сразу же юркнувшую за печь, на свою лежанку. Яков Петрович удовлетворенно хмыкнул: будет, сучара, знать, кто над ней полновластный хозяин!

Утренняя побудка для бывших зэков была тяжелой. Первым, вероятно, от неудобного положения – в углу между столом и скамьей, очнулся Серый. Он загромыхал лавкой, отодвигая ее от себя, чем разбудил Малого.

Оба, покачиваясь из стороны в сторону, поднялись и уселись возле стола, мутными, красными глазами смотрели на Ефима, который сидел, покуривая, у самого окна, чуть левее зэков.

Свежий воздух солнечного утра постепенно заполнял комнату, вытесняя наружу приторно-кислый запах ночной разгульной пьянки.

– Проснулись, орлики? – поглаживая седую бороду, спросил дед Ефим.

– Угу!

– Знатно погуляли?

В ответ – виноватое молчание.

– Как насчет того, чтобы похмелиться?

Малой с Серым встrepенулись:

– Это, дед, было бы в самый раз!

– Порядок быстро навели! Расставили все по своим местам, пол подмели. Вымыть и во двор, я буду там!

Бывшие зэки быстро прибрались в комнате. Серый скомкал грязно-белую материю женских трусов, засунул в карман. Осмотрелись – вроде все в норме, вышли во двор.

Дед подметал двор. Увидев постояльцев, пригласил:

– Пошли на бревна. Ты, Малой, с кухни кружку принеси

да закуски, что осталась.

Сам с Серым прошел к навалам бревен, где и присел с краю. Достал из кармана бутылку самогона. Поставил на бревно.

– Как бабы? Довольны?

– Не то слово, дед! Злющие до этого дела, страсть! Еле справились!

– Групповуху небось устроили?

– Было!

– Полегчало?

– Полегчало! Голова только раскалывается!

– Сейчас поправитесь. Где там дружок твой пропал?

Но Малой уже вышел из хаты, неся нехитрую закуску и большую армейскую кружку.

– Похмеляйтесь! – разрешил, как приказал, дед Ефим.

Бывшие зэки по очереди выпили огненной жидкости, занюхали хлебом, тут же закурили. Дед спросил:

– Базар вчерашний помните?

– С кем, дед? С тобой аль с бабами? – Серый еще не пришел в себя.

– С бабами! – передразнил Ефим, но Серый отнесся к вопросу серьезно:

– А че с ними базарить? Банку раздавили, и понеслось! Сам, что ли, не знаешь, как это бывает? Под конец все в кучу смешалось, у них с собой еще было. Так что никакого особого базара не было! А ты, Малой?

– Ни хрена не помню! Кто, как и с кем – бесполезно. Ты мне их сейчас покажи, не узнаю, бля буду! Одно знаю, баб этих только под быков подставлять! Такие...

– Какие есть. Я не о бабах спрашиваю. А о том, что вы вчера о будущем своем бакланили.

– А че? О работе, что ли?

– О ней!

– Помним, да, Малой? Как же? А что, есть возможность пристроиться?

– Слушайте, бродяги, сюда! Курите и слушайте! Но чтобы так, если сговоримся, то все, шабаш, обратной дороги нет. Как на этапе, поняли? Шаг влево, шаг вправо – побег! А значит, смерть немедленная!

– Круто начинаешь, дед, – немного тревожно посмотрел на Ефима Серый.

Но Малой одернул товарища:

– Говори, дедушка, а ты, Серый, закройся! Не сами ли напросились?

– Ну будь по-твоему, Малой, говори, дед!

– Начнем с ваших слов. Помню, вы говорили, будто слышали, что тут артелями золото моют? Моют! Даже прииск имеется. И заработать можно. Все правильно, если только погорбиться как следует, лет так с пяток!

– Но ведь слухи в зону не с пустого места доходили? То там самородок найдут, то россыпь возьмут. Или брехня все это?

– Почему брехня? Было и такое, но редко, очень редко и давно. И с золотом этим отсюда еще уйти надо! Мало того, что менты сразу же впрягутся, к ним и ребятишки из молодых да ранних добавятся. Те, кому работать внапряг, а вот ошкурить да грохнуть кого – в самый раз.

– Беспредельничают?

– И не местные! Местных давно удавили бы. Заезжие стаями по тайге кружатся. Поэтому сейчас артель сколотить сложно. Мужики, что покрепче да посноровистей, те на прииске пашут. Там спокойно. Но и прииск это тебе не золотое дно, нашел – отдай, на выходе менты шмонают не хуже, чем на зоне, если не лучше. Им за каждое найденное зернышко бабки платят. Вот и лютуют. И даже при таком раскладе на прииск устроиться – это ждать очереди надо, желающих попасть туда много. Вот такие дела!

– А что ты, дед, предлагаешь?

– «Рыжья» кругом много, но не всем дано взять его. А вам, как я понял, нужно заработать много и сразу, так?

– Желательно бы!

– Вопрос, как это сделать? – Дед Ефим погладил бороду. – Ладно, не будем тянуть кота за хер! Есть вариант заработать и много, и сразу!

– Как? – Малой с Серым переглянулись.

– Как, это уже другой разговор. Для начала решите, готовы ли вы рискнуть, чтобы потом надолго обеспечить себя? Не спешите «дакать». Я еще не все сказал! Рискнуть голо-

вой, ибо, если сейчас вы согласитесь войти в дело, назад дороги не будет. Даже на зону. На кон жизни ставите. А теперь решайте, думайте, а я во дворе управлюсь.

Обсуждение предложения старика продолжалось недолго. Серый с Малым встали с бревен, подошли к Ефиму:

– Мы согласные!

– Это не ответ, не в колхозе, здесь каждый отвечает за себя!

– Я согласен, – сказал Малой.

– И я согласен, дед, – поддержал товарища Серый.

– Пройдем обратно к бревнам, – приказал Ефим.

Присели. Вновь закурили. Ефим заговорил:

– Так! Дело, скажу сразу, стоящее и должно пройти чисто. Все просчитано и проверено. Люди задействованы большие. Подробности дальнейших действий будете узнавать постепенно, по этапам, скажем так. Все вам знать не следует. Так спокойнее. Теперь первое, что вам надо сделать: это сегодня же вечерним поездом слинять отсюда в Верхотурск. Не крути башкой, Малой, а слушай, – сделал замечание здоровяку Ефим.

– Да слушаю я! Сегодня надо слинять из поселка. Так?

– Так! Далее! Там, в городе, встаете на учет в ментовку, все чин по чину, устраиваетесь на местный карьер, там постоянно требуются люди, получаете паспорта, в этом вам помогут, и... пашете!

– Долго?

– Чего долго?

– Пахать?

– Сколько надо, пока на вас не выйдет наш человек. Он и скажет, что делать дальше. Знакомств не заводить, держаться неприметно, потому как долго там не задержитесь. Будет лучше, если на карьере вас не запомнят. Пока все! Вопросы?

– А фотки в личном деле? В трудовой? Отметки в ментовке?

– Это не ваши дела! Свой обязанности исполняйте, как говорю!

– Все понятно!

– А понятно, так переночевали и с богом. Идите в поселок, к станции. Менты останоят, не крутите, так и скажите, что у меня ночь провели. Только про баб ни слова!

– Мы че, мудаки, в натуре? Ты совсем нас за балбесов каких-то держишь, дед?

– Идите! И смотрите, без выкрутасов!

– Авансик не помешал бы, дед? – переминаясь с ноги на ногу, намекнул Малой. – А то в кармане шаром покати!

– Обойдетесь тем, что выдали на зоне. Чтобы все выглядело натурально, а авансик получите, не волнуйтесь, придет время! Прощевайте, горемычные, да поможет вам бог!

Малой с Серым, поняв, что разговор окончательно закончен, попрощались с дедом Ефимом, вышли со двора и медленно направились в сторону станции. Времени у них было много, как и мыслей, но каждый молчал, почти непрерывно.

но куря и думая о своем. Что их ждало впереди? Богатство или... Кто бы сказал?.. Но пути назад не было. Придется идти до конца, каким бы он ни оказался. Поэтому и молчали бывшие зэки, понимая, что теперь от них, как и несколько дней назад, там, за колючкой, ничего не зависит. Что судьбы их вновь оказались в чужих, еще неизвестно каких, руках, и воля кончилась, не успев начаться. Одним разгульным пьяным днем! И, главное, что пошли на этот рискованный, возможно, и роковой шаг бывшие зэки добровольно!

Глава третья

Прибыв в Верхотурск, Малой с Серым поступили, как им и велели: встали на учет, устроились на местный карьер. Большаков, по специальности, сел на бульдозер, Серов оказался в строительной бригаде, где каких-либо особенных профессиональных навыков не требовалось. И наступили рабочие будни.

С утра из общежития – одноэтажного барака, в котором им выделили одну на двоих комнату, где с трудом уместились две узкие кровати, тумбочка и вешалка, – шли на работу. С работы – в общежитие. Работали они в одну смену. Помня строгий наказ деда Ефима, кореша вели себя тихо. Иногда брали бутылку водки да навещали бабку Кульгу – сводницу местного масштаба, которая подгоняла девиц мужикам, чтобы не застоялись. Так изо дня в день проходило время. Заканчивалась вторая неделя их пребывания в Верхотурске. За это время друзья успели получить официальные документы. И казалось, так будет продолжаться еще долго. Из одной зоны Малой с Серым попали в другую, правда, без охраны и проволоки, но положения, по сути, это обстоятельство не меняло. Они не были свободными людьми, и груз постоянного ожидания чего-то неизвестного, но неотвратимого отравлял жизнь похуже иного яда. Быстрее бы началось то, ради чего они тут и остались.

И оно началось! Началось на исходе вторника третьей недели их пребывания на карьере. Тогда Серый с Малым, возвращаясь из столовой, остановились у чайной. Серый предложил:

– Ну что, Малой, врежем по лобастому и к Кульге?

– Врезать-то можно, а вот к бабке чего-то тебя часто стало тянуть. С чего бы это? Вроде и так почти через день ныряем туда. Аль заприметил кого из сучек?

– Ну заприметил! И что? Нормальная деваха, сирота только, вроде тебя. Попала разок на клык по молодости да дурости, тут Кульга и подхватила ее. Ну и пошла Ксюха по рукам – ее Ксенией зовут. А так баба ничего, и побазарить может, и сама красивая, все при ней... Она не виновата, что так-то вот с ней судьба обошлась.

– Серый, – спросил Малой, – ты это серьезно?

– Что серьезно?

– Поверил бляди? А?

– Ну ты за базаром-то следи!

– Не, в натуре поверил? Поверил в то, что эта кукла тебе напела?

– Тебе-то чего?

– Мне чего? Ты че, влюбился, что ли? В шлюху?

– А что, шлюха не баба? Да из некоторых блядей жены знаешь какие выходят? Потому как семьей дорожат и в жизни своей повидали через край.

– Подожди, братан, – продолжал своеобразный допрос

Малой, – какая, на хер, жена может быть? Ты забыл, зачем мы здесь?

– Да ничего я не забыл, Малой! – вздохнул Серый. – Все будет как надо! О Ксюхе я на будущее думаю. Если дело выгорит и лаве появятся, не шарахаться же по всему свету до старости лет, чтобы сгнить в конце в камере? Можно и домик свой собственный сообразить где-нибудь в центре. Волки и те в стаи сбиваются, потомство производят, семьи создают.

– Ну-ну, дело твое, конечно, но пока ты эти лаве делать будешь, другие тут будут твою невесту иметь по-всякому. Ништяк! И потом жить с такой? Не знаю, как ты, я не смог бы, как бы ни любил. Скорее убил бы на хрен! – Большаков был категоричен.

– Малой! Кончай базар! Мои дела – это мои дела, договорились?

– Эх, Серый, Серый, черт с тобой, делай что хочешь, лишь бы не во вред делу и себе. Ну че, идем в чипок?

– Пошли! – сразу согласился Серый.

Они зашли в заведение, отчего-то названное «чайной», хотя собственно чая здесь никогда не продавалось. Водка, пиво – да, но не чай! Однако вывеска «Чайная» гордо висела над одноэтажным серым, как и все вокруг, зданием.

Серый занял крайний столик – в углу у окна, Малой принес два стакана по двести граммов водки каждый и тарелку с бутербродами. Вернулся за кружкой, без намека на пену, пива. Отставил ее в сторону.

Бывшие зэки подняли стаканы, с постоянным тостом «за нее...» в два глотка выпили, закусили хлебом с килькой. Серый закурил, Малой взялся за пиво. Тут же смачно выругался:

– Да что за блядство, в натуре? Ну не твою мать?

– Ты че, Малой?

– Не, в натуре, ну можно разбавить пиво, это понятно, каждый хочет копейку сбить, но не до такой же степени? Это же не пиво, – он поднял кружку, – моча ослиная, не иначе!

– Не пей!

– Чегой-то «не пей»? Это не я «не пей» буду. Это буфетчица у меня сейчас, сука, всю бочку заглотит вместе с пробкой, или удавлю овцу облезлую, бля буду!

Малой не на шутку разозлился, а этого допускать никак было нельзя! Он вполне мог разнести этот кабак на щепы вместе с посетителями. Что уж говорить о женщине-буфетчице? Нет, Малого надо было остановить, пока он не пошел вразнос, круша вместе с чипком и все дело, на которое они подписались.

Тут-то к ним и подошел щуплый с виду человек, мастер соседнего участка, Малой и Серый знали его в лицо.

– Чего ругаешься, хлопчик? – обратился он к Большакову.

– Тебе-то чего надо? – огрызнулся Малой.

– Ничего! Вижу, место рядом с вами свободное, вот и решил спросить, не позволите присесть рядом?

– Садись, место не куплено, – все так же грубо ответил

Малой.

– Спасибо!

Мастер присел. Кивнул на пивную кружку:

– Насчет пива недовольство проявляете, молодой человек?

– Слушай, мужик! Тебе место нужно было? Место. Получил? Получил! Так сиди, как сидишь, и в чужой базар не впрягайся. Пей, жри, че хочешь делай, но других не замай, мой тебе совет!

– Да! Хреновые мне соседи попались, – продолжал, не обращая внимания на раздраженный тон Малого, мастер, – никакого понятия о вежливости не имеют. К вам, – обратился он к Серому, – мои слова отношения не имеют.

– Да? – У Малого свело скулы, это было заметно. – Значит, ты конкретно мне предъяву кидаешь, коря?

– Малой! – попытался остановить друга Серый, но тот уже начал заводится, что было чревато...

– Погодь, Серый! Этот курок сам напрашивается, чтобы ему чухло свернули. А ну, чушкан мышиный, пошли-ка на улицу, разберемся по теме!

Малой встал, собираясь вытащить из кафе подсевшего так некстати мастера, как тот неожиданно властным голосом, не двигаясь с места, рявкнул:

– Место, щенок!

– Че??? – остолбенел Малой, да и Серый тоже от такого поведения соседа.

– Сядь, сказал! Я от деда Ефима, не помните такого?

Малому понадобилось некоторое время, чтобы въехать в смысл сказанного мастером. Наконец он понял ситуацию, сел, играя желваками на скулах. А мастер в это время повернулся к стойке, крикнул буфетчице:

– Маша, родная, подойди сюда, пожалуйста!

Оставив очередь, грозная буфетчица, приняв кроткий вид, выполнила просьбу мастера беспрекословно:

– Слушаю, Семен Семенович, простите, я в толчее не заметила вас!

– Ничего, все нормально. Сделай-ка нам бутылочку водки, бутербродиков приличных и пару бутылок пива! Хорошего, Маша, пива!

– Сейчас, Семен Семенович, пару минут только...

– Ну что такое?

– Пиво в бокалы налью, чтобы другие не увидели, а то шуму не миновать.

– Делай, как считаешь нужным, здесь я тебе не советчик!

Народ возле стойки начал волноваться:

– Это че за «шишкари»? Им к столу подносят, а ты стой тут?

Но Марья была не из тех буфетчиц, которые позволяют выходки против себя:

– Кому тут че не нравится? Тебе, прыщавый? Или тебе, хлюпик? Кому?

– Ну а что, на самом деле?..

– Так! – подбооченилась Маша. – Если еще хоть слово услышу – шабаш, чипок закрою. Вы меня знаете! И не ваше собачье дело, что я делаю, кому сама подношу, а кого на хер посылаю. Не нравится – вперед, в профком. Жалуйтесь. Себе же хуже сделаете!

– Ну ладно, Маш, закончили! Хорошо, мужики, лаяться, – выступил стоящий первым в очереди тот, кого буфетчица назвала прыщавым. – Налей сто пятьдесят!

Остальные, переминаясь, стояли молча, держа злость в себе.

– Обождешь! – Мария не обращала никакого внимания на собравшуюся публику. – Заказ выполню, потом всех обслужу!

Она отнесла на столик то, что заказал мастер, после чего вернулась к стойке.

– Ну, давай, погнали! Сто пятьдесят, говоришь?..

Мастер, относившийся ко всему происходящему с невозмутимым равнодушием, словно весь этот шум-гам поднялся не по его прихоти, предложил своим соседям:

– Разливай, Малой!

– А что ты за бугор такой, что буфетчица перед тобой стелется, как проститутка? Насколько мы с корешем знаем, ты из простых мастеров. Или где в активе партийном обретаешься, Семен Семенович?

– Это неважно, ребята. Так будем пить или к делу перейдем?

– Выпьем!

Малой разлил водку по стаканам. Выпили, закусили бутербродами, на этот раз со свежей полукопченной колбасой. Мастер выложил на стол пачку «Явы», мягкой, «явской». Дефицит. Предложил:

– Угощайтесь.

– Блатуешь, мастер?

– Давайте, соколики, договоримся, с этого времени называть меня Семеном Семеновичем. Фамилия – Парфенов. Время нашего общения будет коротким, и все же попрошу уважительного к себе отношения. Хотя бы как к старшему по возрасту. Ясно?

– Ясно!

Фамилия Парфенов объяснила все! Семен Семенович был не простым мастером. Он еще являлся членом партбюро и председателем местного комитета народного контроля по совместительству. Оттого и буфетчица ходила перед ним на полусогнутых.

Парфенов продолжал:

– Значит, так! После кафе идите в клуб, на вечерний сеанс. После кино жду вас на Сиреновой, 10, это рядом с ДК. Зайдете, пройдя через второй проулок со стороны сада, есть там калитка. Встречающих не будет, проходите сразу в дом. Усвоили, бродяги?

– Базара нет!

– Вот и ладненько. Пошел я. Вы до сеанса сидите здесь!

Ты, Малой, мне вначале совет давал, помнишь?

Большаков пожал плечами.

– Давал! Чтобы я в чужой базар не влазил. Теперь послушай моего совета, вернее приказа, если угодно. Ни на кого не нарывайся, если не хочешь крупных неприятностей. Мужики здесь злые, агрессивные, могут задраться. В этом случае – молча уйти!

– А нас потом за последних чмырей считать будут? – недовольно проворчал Малой.

– Делать, как я сказал! До встречи!

Парфенов встал, подошел к стойке, рассчитался. Спросил у людей, стоящих в очереди:

– Какие будут претензии к обслуживанию, граждане? У руководства есть мнение убрать с территории предприятия питейное заведение, слишком уж шумно здесь, случаются и драки в последнее время. Я лично против закрытия кафе, но если вы не будете вести себя как приличные люди, то для того, чтобы промочить горло после смены, придется вам добираться до города. На самогон не надейтесь, все краны перекроем! Это можете считать предупреждением! А ты, Мария, – обратился он к буфетчице, – если что – сразу же патруль милиции вызывай. А дальше мы разберемся! Все всё поняли?

– Да поняли, начальник! Как не понять? Все ништяк будет, не сомневайтесь! – послышалось из очереди.

– Что ж, посмотрим! А пока отдыхайте, до свидания,

граждане!

Парфенов вышел, последними словами оградив Малого и Серого от неминуемой разборки из-за внеочередного и особенного обслуживания. Правда, при всей заполненности питейного заведения, к ним на свободные места так никто и не подсел, предпочитая стоя выпить свою порцию, не мараясь общением с людьми администрации, к числу которых сразу же были отнесены и Малой, и Серый. Друзья в одиночестве, под нехорошие взгляды соседей, провели в кафе назначенное им время.

Еле отсидев скучный фильм и выйдя из клуба, Большаков и Серов направились по указанному Парфеновым адресу. Сделали все, как тот приказал. Прошли переулком, зашли со стороны сада, через калитку. Из двора – в сени, оттуда в комнату. Там их встретил все тот же Семен Семенович:

– Прибыли?

– Как видите...

– Эксцессов в кафе не было после моего ухода?

– Чего? – не понял Малой.

– Эксцессов, ну происшествий, наездов на вас?

– Нет, этого не было. Но я больше не хотел бы просидеть несколько часов под взглядами тех, кто с удовольствием готов порвать тебя, как грелку. Ни за какое угощение не согласился бы, отвечаю!

– Ничего, все уже в прошлом! После фильма за вами ни-

кто не шел?

– Нет, – ответил на этот раз Серый, – я смотрел. Кругом пусто было. Основная толпа через сквер схлынула. Сюда пошли только мы двое.

– Хорошо, присаживайтесь к столу! Я сейчас!

Парфенов вышел, друзья присели к круглому, модному в пятидесятые годы столу, на такие же старые, но еще довольно крепкие стулья. Осмотрелись. Комната как комната. Телевизор на подставке, черно-белый, шифоньер с посудой, шкаф книжный с ворохом журналов на полках, платяной шкаф, трехстворчатый. Выцветшие искусственные ковры на полу и стенах, наглухо зашторенные темными портьерами окна. Вот и весь интерьер.

– Кажись, начинается, Малой! – скорее выдохнул, чем сказал Серов.

– Похоже на то! – согласился Большаков.

– Ну и то дело, быстрее начнем, быстрее закончим.

– Это смотря чего.

– Да какая теперь разница?

– Ты прав, Серый, теперь уже никакой!

В комнату вошел Парфенов.

– О чем воркуете, голубки?

– Мастер, ты хоть и начальник, но за базаром следи. Что, перед тобой пидоры, что ли, голубками нас называть?

– Ну извините, не так выразился, так о чем вели разговор?

– Да так, о своем!

– Ну-ну, ладно, – он присел на третий стул и очутился как бы посередине.

Мастер вытащил из кармана пиджака свернутую трубкой кальку, развернул ее, закрепив углы кнопками. На кальке просматривался какой-то план, стрелки, обозначения цветными карандашами.

– Так, друзья вы мои хорошие. Слушайте теперь внимательно. Через два дня вы должны покинуть Верхотурск.

Малой с Серым переглянулись.

– Так срочно?

– Да! Так срочно!

– Но мы же даже уволиться не успеем при всем нашем желании.

– Успеете. Сценарий таков. Вот тебе, Серый, телеграмма – сын попал в аварию, находится в реанимации, требуется твое срочное присутствие, – Парфенов передал побледневшему вдруг Ивану Серову казенный бланк с печатями и штампами.

– Андрюха, сын, – прошептал Серый, – в аварию?.. Как же...

– Не суетись, Серый! Бумага – лажа. Ничего с твоим сыном не случилось. Но по этой телеграмме тебя завтра же должны отпустить в отпуск по семейным обстоятельствам.

Серый покачал головой:

– Ну ты даешь, начальник! За такие шуточки знаешь что можно получить? Перо под ребро! Без базара! Не шути так больше никогда!

– Ну ладно! Ты же с семьей не живешь, пацана-то, наверное, и не помнишь, кто ж знал, что так воспримешь? Но в любом случае извини!

– Проехали! Что дальше?

– Дальше берешь расчет и билет в кассе до своего родного Бородина. Поезд отправляется в 0.40. Садись в плацкартный вагон и едешь, ничем к себе внимания не привлекая. А потом, через три с небольшим часа, выйдешь в тамбур.

– Для чего?

– Смотри на план, красным карандашом отмечена железнодорожная ветка, вот Верхотурск, вот Бородино, синим отмечена река Грава, на пересечении ветки с рекой – мост. Сразу за мостом, если двигаться в сторону Бородина, железка делает крутой поворот вправо, а потому машинист перед мостом резко сбрасывает скорость и состав идет медленно, можно свободно сойти с поезда. Так вот, перед самым мостом выходишь в тамбур и прыгаешь. Откос там пологий, если споткнешься, то скатишься, как шар...

– А дверь? Она же будет закрыта.

– Молодец, Серый, вижу, думаешь о деле! На, держи, это стандартный железнодорожный ключ, он ко всем дверям подходит в вагоне, проверено.

Парфенов передал специальный ключ Серову.

– Понял! – пряча ключ, сказал Серый.

– С этим ясно? Как состав уйдет за поворот, пойдешь под мост. Там тебя будет ждать моторная лодка. Лодочник доста-

вит куда надо. С ним разговоров не пытайся заводить. Бесполезно, малый глухонемой! Все уяснил, Серый?

– Все!

– Тогда с утра официально получишь телеграмму, в контору, и... в путь!

– Ясно!

– Теперь с тобой, Малой! Послезавтра на карьере будут выдавать зарплату. Тебе не закроют несколько нарядов, якобы по ошибке, и начислят копейки. Ты, естественно, возмутишься, наедешь на мастера, пойдешь разбираться в отдел труда и зарплаты конторы. Короче, поднимешь шум. Типа: «на херу я видал горбиться здесь за гроши», обвинишь конторщиков в махинациях, ну и так далее. В результате – заявление об увольнении на стол и в барак. А ночью идешь на станцию, туда, где формируются товарняки. На крайнем пути будет стоять состав с древесиной. В нем и теряешься. Не опоздай, отправление состава в 23.40. А дальше по схеме Серого. Тот же мост, та же лодка, тот же глухонемой и место, где вы встретитесь. Это все, что вам на данном этапе надо знать. Какие вопросы по процессу ухода из Верхотурска?

– Да все вроде ясно.

– Хорошо! Теперь последнее. И касается оно тебя, Серый. До меня дошли слухи, что ты с Ксюшей-путаной шуры-муры завел. Это правда?

– А че, нельзя? – вдруг окрысился Серов. – Мне, коль под дело подписался, и бабу иметь нельзя?

– Ну почему нельзя? Можно! Если только ты не посвящаешь ее в свои ближайшие планы. А это проверить невозможно, Серый!

– Ни о каких планах меж нас разговора не было!

– Точно?

– В натуре!

– Смотри, а то и дело спалишь, а значит, погубишь себя с дружкой и девку подставишь под нож острый! – жестко сказал Парфенов.

Серый увидел ставшие вдруг холодно-безжалостными глаза мастера, сердце его сковали тревога и чувство смертельной опасности. Впервые за много лет.

– Слушайте, Семен Семенович, не трогайте Ксенью, она не при деле. Памятью покойной матери клянусь, она ни о чем ни слухом ни духом! Я лишь спросил ее, если мне удастся заработать денег, согласится ли она уехать со мной отсюда. Она еще спросила: что, мало нормальных женщин вокруг? Но для меня не важно, чем она занималась да пока и занимается. Не для удовольствия же собственного? Короче, полюбил я ее, человек в ней живет, а это сейчас большая редкость. Может, и семья еще сложится? А насчет дела она ничего не знает, зуб даю!

– Ну и ладно, чего взвился? Коль зубишься за нее, все нормально! Да никто ее и не хотел трогать, просто не надо, чтобы посторонние знали о том, чего им знать не положено. На дело идете серьезное, зачем усложнять жизнь себе и другим?

Будь спокоен. Никто ее не тронет. Даже скажу большее: я ее с панели вытащу, коль такая промеж вас любовь. Никто больше не прикоснется до нее!

– Вот на этом спасибо, Семен Семенович. Отблагодарю при случае!

– Ты дело как надо сделай, большей благодарности мне от тебя не надо!

– Сделаю, будьте уверены!

– Ну теперь, кажется, все?

– Все!

– Тогда обратным путем в общагу, и с завтрашнего дня по плану! Давайте! Удачи вам!

Малой с Серым покинули жилище Парфенова, понимая, что Семен Семенович, скорее всего, к нему никакого отношения не имеет. Не его уровень. И это было действительно так. Через полчаса после ухода клиентов мастер и партийно-общественный деятель местного масштаба сам вышел из дома, направившись к центру, в удобную и уютную квартиру нового трехэтажного дома руководства предприятия. Жил он один, так и не связав за свои сорок с лишним лет судьбу ни с одной из женщин, несмотря на то что имел их немало. Но так уж вышло, и Парфенов не жалел об этом.

Войдя домой, не раздеваясь, он прошел к телефону, набрал номер:

– Алло! Дмитрий Сергеевич?

– Да, слушаю, Жилин! Кто это?

– Парфенов, Дмитрий Сергеевич.

– А! Теперь узнал. Слушаю тебя, Семен.

– Я насчет будущей рыбалки.

– Слушаю!

– Нужно завтра и послезавтра встретить наших новых друзей!

– Место встречи не изменилось?

– Нет!

– Хорошо! Встретим! Что еще?

– Есть небольшой нюанс.

– Говори!

– Один из друзей подружку здесь себе завел. Предполагаю, что мог и ее пригласить на рыбалку, хотя она вроде отказывается.

– Никаких подружек. Сам знаешь, женщина в этом деле может только испортить все. Ее присутствие нежелательно. Сделаем так, – Жилин принимал решения мгновенно, – послезавтра к вам на карьер в командировку приедет Хоза Сулейманов. Покажешь ему кого надо, он и решит все вопросы после того, как отпратишь друзей. Понял?

– Все понял, Дмитрий Сергеевич!

– Ну раз понял, то спокойной ночи, Семен!

Связь прервалась. Парфенов разделся, прошел на кухню, достал из холодильника бутылку «Столичной», выпил, закусил нарезкой осетрины, закурил.

Итак, его часть работы в общем деле практически завер-

шена. Клиенты – Малой и Серый – подготовлены и проинструктированы. Сулема, который прибудет от Жилина, разберется с Ксенией. Остается убедиться в убытии бывших зэков и ждать. Ждать получения своей доли.

Водка подняла настроение мастеру. Будущее вновь раскрылось перед ним радужным веером. Скоро он будет обеспечен настолько, что сможет навсегда покинуть этот проклятый край, чтобы начать новую, спокойную жизнь. Так будет! Вопрос во времени. Но он, Семен Семенович Парфенов, научился ждать. Терпеливо и расчетливо. Было бы чего.

А сейчас это «было бы» реально имело место.

Допив водку, Парфенов включил тихую лирическую музыку и, не раздевшись, прилег на софу, предавшись сладким мечтам.

Так, мечтая, через несколько минут он крепко, без сновидений уснул.

Глава четвертая

Все, что намечалось в доме на Сиреновой, прошло без проблем. И через два дня, в ночь с пятницы на субботу, Малой встретился с Серым. В небольшом, укрытом от посторонних глаз среди густого кустарника домике, выходящем узким деревянным причалом на реку Граву. Серый, уже немного освоившийся здесь, встретил Малого словами:

– С приездом, Малой, проходи, гостем будешь!

– А хозяин ты, что ли?

– Получается так. Вчера под утро, как сбросил меня этот ветхий Герасим тут, так больше никого не видел. Теперь вот ты.

– Ну и как здесь?

– Да никак! Глухомань она и есть глухомань. И чего только нас сюда притащили? Не пойму!

– Скоро узнаем. Как со жратвой?

– С этим все в порядке, только пойла нет, не оставили, шакалы. Я искал!

– Ну, это не беда, я прихватил с собой грелку отборного первача, как чувствовал, что с этим нас обломают.

– Молодчик, Малой! Теперь все ништяк, а то тоскливо здесь, в натуре!

– Ночью не холодно? Я смотрю, у дома и трубы-то нет?

– Печки нет, зато есть пуховые спальные мешки. Хоть го-

лым спи.

– Ну, пошли в дом, что ли? Чего тут на причале торчать?

– Пошли, Малой. Сейчас грамм по двести рубанем и «отбой», хоть немного поспишь. Замаялся, поди?

– Да не то чтобы очень, но есть маленько! Только почему немного? Думаешь, с утра нас навестят?

– Должны! Не на отдых же сюда кинули?

– Ладно, видно будет, пошли, прохладно у воды.

Друзья вошли в дом, выпили самогону и завалились спать. На часах пробило четыре утра.

Почти в это же время к Верхотурску подходил пассажирский поезд со стороны Рахтура. В тамбуре, покуривая, стоял молодой человек с восточными чертами лица. Таких в ту пору и в тех местах жило и работало много, поэтому внимания он не привлек.

По прибытии на станцию Хоза Сулейманов, а именно он и был тем молодым человеком, поправил спортивную сумку на брезентовой штормовке и, минуя само здание станции, направился по пустынному городу к его центру.

Через полчаса он стоял возле двери № 5 второго этажа нового трехэтажного дома. Звонить не стал, постучал – незачем тревожить соседей. Но толстая обивка делала его попытки разбудить хозяина квартиры бесплодными. Тогда Хоза порывлся в карманах, вынул связку ключей, нашел нужный – дубликат, сделанный втайне от Парфенова, открыл

дверь. Предохранительная цепь была снята в считанные секунды клинком кинжала чеченца. Сулема, как называл своего верного помощника начальник золотодобывающего прииска Жилин, тихо вошел в квартиру, осторожно прикрыв за собой дверь.

Привыкнув к темноте коридора после освещенного подъезда, он крадучись прошел в комнату, где на софе, завернувшись в одеяло, мирно похрапывал хозяин квартиры, Семен Семенович Парфенов.

Сулема сел в кресло у журнального столика, достал фонарик, включил его, направив луч себе под ноги, взял со стола журнал «Вокруг света» и швырнул его на софу.

Парфенов, еще не открыв глаза, вскочил и тут же быстро сел, испуганно забившись в угол постели. Ослепительный луч, направленный в глаза, слепил его.

– Кто здесь? – на грани истеричного вопля прохрипел Семен Семенович.

Луч опустился.

– Ай, не узнал, да? Кого должен быть встретить, начальник? – знакомый акцент в ответ.

Парфенов облегченно вздохнул:

– Сулема, ты? Черт нерусский!

– Не ждал так рано? Нет-нет пугался, да?

– Испугаешься тут!

Чеченец рассмеялся гортанным, приглушенным смехом.

– Зачем пугаться? Ствол надо под подушкой держать. По-

явится кто, бах, и нет его! Так мужчина должен делать, не забиваться в подушки, как баба пугливая!

– Откуда у меня ствол-то?

– Спроси у меня! Я продам, недорого возьму. Две тысяча, и все дела!

– Да ну тебя, Хоза! Ты есть хочешь? – потянулся рукой Парфенов к ночнику, но его остановил чеченец:

– Не надо включать свет! Не надо, чтобы знали, что у тебя гость. Ты спи, как спал, есть я не хочу, буду тоже спать. На полу прилягу, утром говорить будем!

– Но, может, перекусишь все же?

– Эй. Зачем ты такой непонятливый, Семен? Сказал спать, значит – спать! Мало осталось.

– Чего мало?

– Спать, конечно, зачем глупость спрашиваешь? Спокойной ночи, Семен, и прошу, не говори больше ничего, не мешай!

– Спокойной ночи!

Сулейманов, положив под голову спортивную сумку и, укрывшись штормовкой, моментально уснул. У Парфенова же сон как рукой сняло. Не помогли и двести граммов водки. Но не бродить же в темноте по квартире? Прилег, да так и лежал до утра, ворочаясь в беспокойных и бесполезных попытках уснуть. Поэтому и поднялся в семь часов разбитым, уставшим, словно две смены подряд отсидевшим в конторке карьера.

Хоза в отличие от хозяина квартиры поднялся бодрым, сделал несколько упражнений, ушел в ванную, где долго плескался под холодным душем.

Приготовив завтрак – обычную глазунью, Парфенов ожидал на кухне, когда закончит свой затянувшийся моцион чеченец. Время поджимало, пора идти на работу, а еще надо было переговорить с Хозой, хоть накоротке. Определиться, что делать дальше. А Сулема все плескался в ванной.

Семен Семенович подошел к совмещенному санузелу, крикнул негромко:

– Хоза!

– Чего тебе, дорогой?

– Времени нет, выходи, мне на работу пора!

– Один минут, Семен, не знал, что ты и по субботам па-
шешь!

И только тут Парфенов вспомнил, что сегодня выходной день.

– Тьфу, – сплюнул на пол Парфенов, – черт попутал, совсем с этими делами счет дням потерял.

– Э-э, много думаешь, наверное? – сказал Хоза, выходя из ванной. – Так башка скоро совсем перестанет работать. Непонятно только, в чем твои заботы? Дом есть, работа – начальник, не кайлом в карьере камень рубишь, все больше на совещаниях жопу протираешь. Не так?

– Не так! Ты не говори, чего не знаешь, а давай-ка лучше завтракай и по делу побазарим. Тебя сюда тоже не так просто

прислали.

– Это правильно! Но яичницу свою жри сам. Я потом как-нибудь шашлычок сам надыбаю у земляков!

– Ну как хочешь, гурман!

– За языком следи, Сеня!

– Гурман – не оскорбление.

– Я этого не знаю.

– Ладно, больше не буду.

– Вот и молодец, так будет лучше!

Парфенов проглотил завтрак, запив его жиденьким кофеиным напитком. Вымыв посуду и убрав со стола, Семен Семенович неловко начал разговор о том, из-за чего, собственно, и появился чеченец в его квартире.

– Хоза! Я должен показать тебе женщину, которую ты... ну сам понимаешь. Надо подумать, как это сделать, чтобы нас вместе никто не видел. Что предлагаешь?

– Все очень просто, Сеня! Делай что хочешь, хоть иди к местной сутенерше вашей и снимай шлюху, но вечером, как стемнеет, ты и она должны быть в доме на Сиреневой!

– Что? Ты с ума сошел? Я с проституткой? Потом весь город будет по этому поводу гудеть, не говоря уже о членах парткома.

– Придумай что-нибудь другое, но иного способа разобраться с твоей блядью просто нет!

– Да какая она моя?

– Короче, Семен, ты понял задачу?

– Но если я даже смогу Ксюху выманить на хату, ее потом хватятся, и все подозрения падут на меня?

– Подозрения в чем?

– Как в чем, в убийстве!

– О каком убийстве ты говоришь?

– Но...

– Слушай, Семен, ну снял ты бабу, ты же мужчина, в конце концов, и потом, ты мог просто пригласить ее для спасительной беседы как общественный деятель – защитник морали, а потом она ушла. И... исчезла. Куда? А шайтан ее знает. Может, ты так ее пристыдил, что пошла бедная проститутка и утопилась со стыда. Или встретил ее какой старый клиент, предложил случку, она отказала, он и отправил ее в мир иной, скрыв все следы. Вариантов для ментов по поводу исчезновения бабы будет предостаточно, но, главное, против тебя ничего не будет, я все сделаю аккуратно, в первый раз, что ли? Ты же только приведешь ее, а потом вали на люди. Я, сделав дело и убрав следы, уйду по надежному адресу, где всегда подтверждаю, что все время находился дома и с тобой никак не пересекался. А в понедельник, как положено, приду в вашу контору, я же в официальной командировке. Работать будем. Ну что? Как тебе мой план?

– Не знаю, надо хорошо все обдумать, взвесить каждый шаг!

– Думай, но вечером я жду вас на Сиреновой. Все! Пошел я, Семен Семенович! Да, ключ от хаты на Сиреновой на ме-

сте?

– На месте! Ты вот что, Сулема, из подъезда напрямую не выходи, а спушись в подвал, он открыт, пройди вправо до торца здания. Там через дверку слесарей в кусты и выйдешь. Никто не увидит.

– Не надо, Семен, а?

– Чего не надо?

– Учить меня детей делать!

– Я же...

– Свое дело сделай! До вечера, общественник! И смотри, Сеня, лично ее приведи, лично!

– Иди, джигит, иди!

Парфенов открыл дверь, выглянул в подъезд. Там было пусто. Пропустил Сулему. Тот быстро спустился в подвал. Послушался-таки, а понту наводил... Ну ладно. Попутного ему в спину. Как теперь эту Ксюшу к нему выманить? Идти к своднице – себе дороже выйдет. Этот вариант отпадает категорически. А не пойти ли к девице в общагу? Вот так напрямую и с утра? Сейчас она должна быть дома, отдыхать после трудов праведных. А что? Ведь Серый говорил о чувствах к ней? Говорил! А Семен Семенович все же общественник, правильно заметил Хоза. Должен направить человека на путь истинный, помочь выбраться из этой зловонной ямы. Пусть все видят, что он вызвал Ксению для беседы. А ей намекнуть... Ну, он знает, на чем сыграть с ней... И получится все как надо! С утра он с ней беседовал, это увидят

многие, ну а вечером овечка приبلудная сама в лапы к волку прибежит тайком, когда он ей назначит встречу. Что потом случится с ней, это уже не его проблема, Сулема прав, мало ли что может статься с проституткой на темной улице?

Просчитав свои ближайшие ходы, Парфенов почувствовал себя уверенней. Он оделся в строгий костюм, такое же пальто и шляпу, вышел из дома. Спокойно, не таясь, отправился в женское общежитие карьера.

Через час он вошел туда, где среди многих обитала и Ксения Драгунова – двадцатидвухлетняя женщина, маляр по профессии.

Дежурная по общежитию была очень удивлена ранним приходом Парфенова. Еще больше ее удивило желание партийного и общественного деятеля увидеть Драгуну Ксению Александровну. Семен Семенович объяснил дежурной:

– Есть у меня данные, что названная особа ведет, мягко говоря, аморальный образ жизни. Хочу побеседовать с ней лично, узнать, имеют ли известные мне факты ее биографии реальное подтверждение.

– Гуляет она, Семен Семенович, как на духу вам говорю. Проституцией занимается. Да это любой, кто ее знает, подтвердит. И не она одна. А все бабка Кульга, она у них сводницей.

– Это что же получается? У нас на карьере свой публичный дом функционирует? И никаких сигналов до сих пор?

– Дома, как такового, нет, а девки по рукам ходят, это точ-

но.

– Ну вот и начнем изводить эту заразу. Вызывайте ко мне Драгунову, с нее, голубушки, и начнем!

– Давно пора, Семен Семенович, безобразию этому конец положить. В наши годы разве...

– Елена Анатольевна! Так вас, по-моему, зовут-величают?

– Точно так!

– Будьте добры сделать то, о чем я вас попросил!

– Иду, иду. Вы тут за телефоном присмотрите?

– Присмотрю!

Дежурная удалилась, чтобы минут через двадцать вернуться с симпатичной молодой женщиной, немного заспанной, но успевшей привести себя в относительный порядок. Только слегка припухшие и усталые, даже какие-то печальные глаза указывали на то, что ночь эту она провела почти без сна.

– Ксения Драгунова?

– Да!

– Здравствуйте! Меня зовут Семен Семенович Парфенов, если вам неизвестно, я представляю руководство нашего предприятия.

– Очень приятно. А я маляр, просто маляр!

– Насколько мне стало известно, не только маляром вы зарабатываете себе на жизнь.

– Да?

– Да! Я хотел бы, чтобы мы вышли. У меня к вам есть раз-

говор, скажем так, строго конфиденциальный. Ну так как?

– Если вы не против, я накину пальто. На улице прохладно.

– Конечно, конечно, пожалуйста, я подожду вас здесь.

Женщина быстро ушла по коридору к себе.

Дежурная, скривившись, посмотрела вслед:

– Вежливая, сука! Умеют такие представить из себя этакое такое! Со стороны глянешь, что ты, не подходи, а на самом деле – подстилка грязная.

– Елена Анатольевна, давайте пока не обсуждать тему. Разберемся сначала!

– Да что с такими разбираться? Гнать их отсюда метлой поганой, проститенью паршивую! Скольких мужиков сманивают к себе, семьи руша?

– Все, Елена Анатольевна, успокойтесь. И достаточно об этом. Занимайтесь своим делом!

Продолжая что-то бурчать, дежурная стала перекладывать какие-то бесчисленные журналы у себя на столе, будто в этом и заключалась ее главная обязанность как должностного лица.

Вскоре подошла Ксения:

– Я готова, мы можем идти!

Они шли по аллее от общежития под недоуменные и удивленные взгляды редких прохожих, знавших и Парфенова, и Ксению. Говорил в основном Семен Семенович. Женщина шла молча, низко опустив голову. Видимо, разговор этот не

доставлял ей ни малейшего удовольствия. Пока не коснулся Серого – Ивана Серова.

– Скажите мне, Ксения, вы к Серову относитесь серьезно или так, как к одному из вариантов выхода из того незавидного положения, в которое сами себя и поставили?

– Вы хорошо знаете Ваню?

– Не знал бы, не спрашивал!

– Как я отношусь к нему?.. Я люблю его, вот как! Он один смог понять меня.

– И между тем продолжаете встречаться с другими мужчинами? К примеру, сегодня ночью, когда Ивана по известным причинам нет в городе. Как это понимать?

– Я не хочу отвечать на ваш вопрос.

– А придется, Ксения. Нет, не мне, не смотрите на меня так. Просто Иван вчера вернулся, хотел увидеть вас, но...

– Ваня вернулся? Но почему я не знала об этом?

– А он сделал это специально.

– Вернулся специально? Но у него же сын в тяжелом состоянии? Он хотел его увидеть, может, в последний раз? И вернулся?

– Ивана уже ничего не связывает с прежней семьей, как он мне объяснил. Они отказались от него, когда он попал в тюрьму. А посему проверить вас он посчитал более важным для себя. Мы с ним говорили о ваших отношениях, и я знаю, как он относится к вам. И на что надеется, тоже знаю. Только, к сожалению, поверил в то, что сможет связать свою судьбу

с вашей, Ксения!

– Почему «к сожалению»?

– Вы так ничего не поняли?

– Это он послал вас ко мне?

– А как вы думаете?

– Он... Господи! Что же это такое? Но почему вот так-то?

Ведь вчера я всю ночь была у подруги.

– Вы думаете, в это легко поверить?

– В том-то и дело, что нет. Но мне нужно его увидеть. Я сама, сама все ему объясню.

– Хорошо! Я думаю, вы правы, но сейчас это сделать невозможно.

– Почему?

– Он пил всю ночь, не найдя вас на месте, и сейчас спит.

Под утро уснул, на него страшно было смотреть, поверьте мне, очень он переживал.

– Ваня! – тихо проговорила Ксения, и в голосе ее задрожали слезы.

– Давайте договоримся так! О подробностях нашей беседы не говорить никому. Будут спрашивать – отвечайте, мол, мораль читал, начальник. А вечером, в семь часов, встретимся с вами за клубом, на Сиреневой улице. Я буду ждать вас и провожу к нему. К этому времени он придет в себя, да и я поговорю с ним, я отчего-то верю вам, постараюсь убедить его, что он заблуждается насчет вчерашнего, другими словами, подготовлю к встрече. Ну а потом поговорите на-

едине, я оставлю вас. Договорились?

– Конечно! А вы, оказывается, не такой уж и сухарь, как о вас отзываются на работе. Спасибо вам.

– Не за что! Идите сейчас в общежитие. Постарайтесь не выходить до вечера никуда, и ни слова о предстоящем свидании даже самым близким подругам, иначе очень подведете меня. А в семь встречаемся.

– Не волнуйтесь, никто ничего не узнает. И передайте Ване... Хотя нет, я сама все ему скажу!

– Ну и ладненько, до встречи, Ксения!

– До встречи, Семен Семенович!

Ровно в семь стоящий в переулке Парфенов увидел за клубом знакомую фигуру Ксении. А она ничего, подумал вдруг Семен Семенович, раньше как-то не обращавший внимания на женские прелести. Выходить из переулка он не стал, только позвал:

– Ксения!

Женщина, услышав его голос, оглянулась, всмотрелась в темноту улицы.

– Я здесь, Ксения, в переулке, правее от вас. Идите сюда!

Ксения сориентировалась, подошла. Семен Семенович предложил:

– Пойдемте задами, через калитку и сад во двор, чтобы нас никто не видел.

Они зашли задами, Ксения спросила:

– Как Ваня?

– А? Ваня? – Этим вопросом женщина застала Семена Семеновича врасплох, он думал совершенно о другом. – Ничего Ваня, отошел, поговорили, спокоен, ждет вас!

– Я отчего-то так волнуюсь!

– Все будет нормально, я уверен, проходите!

Он пропустил Ксению в темные сени, где она сразу же на входе получила сильный удар по голове, лишивший ее сознания. Над ней в перчатках, с засученными рукавами стоял Сулема. Чеченец подхватил женщину под мышки, тихо приказал Парфенову:

– Бери за ноги, чего замер? Внесем в хату!

Семен Семенович подчинился.

Они внесли Ксению в комнату, где, на удивление Парфенова, был накрыт праздничный стол на двоих.

– Что это? – спросил мастер.

– Стол! Праздничный! У нас же сегодня праздник смерти, или забыл? Сажай ее на стул и поддержи, я приведу даму в себя.

– Мы так не договаривались!

– Выполняй, сука! – сверкнул безжалостными глазами чеченец. – А то в ее положении окажешься, ну?

Семен Семенович удерживал женщину на стуле, пока Сулема не брызнул ей воды в лицо. Ксения пришла в себя. Она недоуменно посмотрела вокруг:

– Где я?

– В гостях, милочка, в гостях, или забыла, куда шла?

– А Ваня?

– Ваня? Зачем Ваня? Разве тебе меня мало?

Она перевела взгляд на Парфенова:

– Семен Семенович, вы же...

Мастер отвел взгляд в сторону окна.

За дело взялся Сулема:

– А сейчас начнем один небольшой спектакль.

Он развернулся и хлестко ударил Ксению по щеке, сбив со стула. Тут же поднял перед собой, лицом к лицу:

– Ну что, наблядовалась, сучка?

И ударом головы в лицо отбросил женщину на не тронутый до этого стол. Он опрокинулся вместе с Ксенией.

Парфенов вдруг дернулся в сторону двери, но Хоза успел нанести удар на противоходке, выставив в сторону убегающего руку. Семен Семенович, взметнув ноги к потолку, рухнул всем телом на пол.

– Куда, гнида? Ты тоже участник спектакля, тебе уходить никак нельзя.

Ударом в лоб чеченец вывел из строя и так находящегося в полуобморочном состоянии Парфенова.

– погоди, дойдет и до тебя очередь!

Он вернулся к женщине. Та сползла со стола и лежала на спине, широко раскинув руки. Юбка задралась до трусиков, блузка оголила грудь. Сулема почувствовал прилив желания. Надо было снять ее раньше, сейчас уже поздно. Он схватил

ее левую грудь своей крепкой рукой, сжал так, что посинел сосок. Ксению боль привела в сознание, она застонала. Но нож чеченца уже был занесен, и лезвие до рукоятки вошло в белоснежное тело, в двух сантиметрах ниже основания груди. Сулема вытащил нож, отпустил грудь, ударил второй раз, в горло, откуда обильно хлынула черная кровь.

– Вот так! Первый акт закончен! – проговорил он, глядя, как задергалось тело Ксении в предсмертных судорогах.

Он повернулся, подошел к лежащему без сознания Парфенову. Наступил ботинком ему на лицо. Тот дернулся, придя в себя. Чеченец убрал ногу. На него смотрели полные животного ужаса и боли глаза Семена Семеновича.

– Ну что, Сеня, кончилась твоя жизнь?

– За что?

– Задаром, Семен Семенович, такова твоя судьба!

– Не... делай... этого... Хоза! Я откуплюсь!

– Чем?

– У меня дома есть деньги. Много!

– Молодец, что сказал об этом, но мне не нужны деньги!

Он нагнулся над дрожащим мастером, схватил за подбородок, дернул его вверх, полоснул лезвием ножа по туго натянувшейся коже, которая, лопнув, обнажила широкую безобразную рану, откуда, как и из горла Ксении, на пол толчками хлынула черная кровь. Хоза поднялся.

– Вот и второй акт завершен. Спектакль закончен. Пусть теперь менты ломают голову над тем, кто так зверски разде-

лался с партийным активистом и обычной проституткой. Не иначе, их вместе застукал пьяный постоянный клиент putas-ны и ярости его не было предела. Ну и шайтан с ними! Свое дело он сделал. Пора чисто уйти.

Он достал из сумки холщовый пакет, бросил в него окровавленный нож, пошел на выход. Со двора прошел садами в проулок до асфальта, осмотрелся. Никого. Хоза вытащил из той же спортивной сумки полуботинки. Обувь, в которой работал в доме, бросил в пакет, туда же – перчатки и килограммовую гирию. Проходя мимо колодца на выходе из проулка, швырнул в него пакет. Все! От прямых улик он избавился, теперь к Марату. Как на заказ, начался дождь. Так под дождем, но при отсутствии прохожих, добрался до дома своего старого друга, Марата, с кем когда-то корешился на зоне. Тот жил один. Там переоделся точно в такую же одежду, в какой был все это время. Мокрую одежду бросил в печь. Яркие языки пламени, жадно шипя, набросились на новую добычу, в одно мгновение превратив ее в пепел.

Сулейманов, спокойно поужинав, уснул на приготовленной постели с чувством выполненного долга. Какое-то время ему не давали покоя последние слова Парфенова о деньгах. Но брать их, не расстроив версию убийства по ревности, было невозможно. Менты обязательно общмонают хату мастера. Там все должно оставаться, как было, в том числе и деньги. Сулема отбросил мысль о деньгах. Жилин заплатит больше.

В понедельник Хоза Сулейманов прибыл в контору карьера, где только и было разговоров, что об убийстве в доме на Сиреновой, 10. Но он прибыл работать и сделал то, что и должен был сделать. Из приемной начальника связался с Жилиным:

– Дмитрий Сергеевич? Это Хоза!

– Что у тебя там, Хоза?

– Задание выполнил!

– В полном объеме?

– Конечно! Две бухты силового кабеля выйдут к нам на неделе.

– Молодец! Счастливого возвращения!

– Сегодня же отправлюсь обратно.

И Сулейманов беспрепятственно покинул Верхотурск. Местная милиция никак не связала убийство на Сиреновой с командированным из Рахтура, приняв версию, как и предполагал Сулема, убийства из ревности, и начала поиск мифического убийцы из числа многочисленных клиентов проститутки Ксении Драгуновой.

Глава пятая

Серый оказался прав в том, что утром им особо выпастаться не дадут. Около восьми часов с реки послышался шум приближающейся моторной лодки. Старый небольшой баркас пристал к причалу, из него вышли двое, один нерусский, что сразу бросалось в глаза, второй – угрюмый здоровяк, который и закрепил баркас. Они прошли к дому, вошли в него.

– А ну подъем, бродяги! – подал команду нерусский.

Бывшие зэки зашевелились.

– Сейчас! Оденемся только.

– Давайте и выходите на причал. Пойдем, Шмель, на воздух, ребятишки, видно, самогона где-то надыбали, все помещение провоняло перегаром.

– Слышь, Малой, – пробурчал Серый, вытаскивая из спального мешка свое тело, – этот чурбан перегар учуял, разборки будут!

– Да пошел он на хер! Про пойло базара не было, когда договаривались сюда перебираться, – пытаюсь выбраться из мешка, огрызнулся Малой. – Может, этот Казбек еще шмон здесь устроит?

– А если устроит?

– Удавлю! Меня лучше не замай, сам знаешь!

– А чего ты завелся вдруг?

– Да мешок этот долбанный, мать его, влез вроде легко, а

вот в обратку ни хрена не получается, мешает что-то.

– Сейчас, погоди, оденусь – помогу.

– Ну что вы там застряли, бродяги? – слышался голос с улицы.

– Подождешь, ни хрена с тобой не станется, – становясь все более агрессивным от собственной беспомощности, крикнул в ответ Малой.

– Эй, коря! – донесся с улицы другой, более жесткий голос – Шмеля. – Ты давай не борзей там. Тебя люди ждут!

Наконец и Малому при помощи Серого удалось выбраться из плена спального мешка. Он оделся, и друзья вместе вышли к ожидающим их гостям, скорее хозяевам этой фазенды.

– Это кто там вякал не по делу? – спросил Шмель, внешне скорее смахивающий на гориллу.

– Не вякал, а говорил. Так это я, а что? – ответил Малой с видом, показывающим, что он уступать ни перед кем не намерен.

– Малой?

– Для кого Малой, для кого...

– Ладно! Запомни, Малой, больше ни слова против, понял? Иначе наказание. А наказываю я строго!

– Не, ты че, в натуре, понты кидаешь? Пахан, что ли? Может, отойдем разберемся? Давно я таким качкам жало не сворачивал.

– Да я тебя...

– Хватит! – рявкнул вдруг нерусский. – Что за базар? Чего лаетесь, как псы цепные? Быстро прекратили, а то я вам всем здесь жизнь веселую устрою! Так и пойдете на дно по одному! Или кто сомневается? – В руках у нерусского блеснула вороненая сталь пистолета. – Вас не для этого сюда притащили, лучше уж заменить сразу, чем ждать, пока вы меж собой не перегрызетесь! Ну, что скажете?

– Все, шабаш, мужики! – Серый развел Малого со Шмелем. – Закончили. Начальник, больше подобное не повторится!

– Не сомневаюсь. Шмель, осади немного, ребята и так понимают все, напрягать не следует. А теперь познакомьтесь, хотя чего знакомиться, это – Шмель, а он знает, что вас кличут Малым и Серым. Ну а я – Сулема, так называйте меня при встрече. Теперь о деле. Шмель с этого момента остается здесь с вами, он ваш непосредственный начальник. Со всеми вытекающими отсюда выводами. Надеюсь, понятно говорю, особенно это касается тебя, Малой. Тебе, конкретно, все ясно?

– Ясно! Да я и не против, ко мне если по-людски, то и я так же. А орать не хера! Наорались шакалы, там, за запреткой! Скажи спокойно, я всегда пойму.

– Вот и договорились, – нерусский спрятал ствол, приказал: – Серый, принеси из баркаса груз – два свертка и ящик! Серый молча выполнил приказание, на причал легли два продолговатых предмета, завернутых в старые ватники и пе-

ретахнутых бечевкой, рядом – продолговатый зеленый ящик – цинк, на языке военных, – коробка с патронами.

– Значит, так, – продолжал Сулема. – Я сейчас убываю, у меня свои дела, а Шмель разъяснит вам все. Будете выполнять все его инструкции. И еще: на неделю как минимум от спиртного вам придется отказаться, это приказ. То, что не допили, допейте – и кранты.

– Начальник, тут по вечерам с тоски сдохнешь без допинга!

– У Шмеля есть чем разогнать вашу тоску. Еще вопросы есть?

– «Буржуйку» бы соорудить, я в спальник не вмещаюсь, – попросил Малой.

– Печки не будет, а в спальник можешь не залазить, накройся им сверху. А под низ веток кедровых настели. Тепло будет. Еще вопросы?

– Вроде все!

– Давай, Шмель, принимай команду. Мужики они ничего. Малой ершистый мало-мало, но это от дури и силы, которых у него хоть отбавляй. Но сам свой чувак! Главное, не собачьтесь. Помните, одно дело делаем! Все, погнал я, дня через два, к среде, может и раньше, проведу вас. Серый, отвяжи лодку!

Сулема сел в баркас и вскоре скрылся за поворотом вверх по реке, в противоположном тому, откуда приплыли, направлении.

Троица, оставшаяся на причале, молча проводила его взглядом и только тогда, когда лодка скрылась за поворотом, оживилась.

– Ну что, братва, – миролюбиво начал Шмель, – старое забудем?

– Забудем! Да и ничего и не было, – ответил ему в тон Малой.

– Вот и ништяк! Выжрали все или осталось что?

– Да осталось немного, на похмелку. На двоих, – ответил Малой.

Шмель улыбнулся:

– Похмеляйтесь, я это дерьмо не потребляю.

– Чего так? – спросил все тот же Малой. – Аль больной?

– Нет! Не приучен. У меня свой кайф.

Он достал мешочек, похожий на кисет, высыпал на ладонь зеленоватую, мелко нарубленную массу.

– Дрянь? – воскликнул Малой.

– Она самая, травка, анаша. Кайф от нее ништяк, потому как конопля индийская. Из Таджа, не халам-балам!

– Ну тогда будем жить, если поделишься, конечно, – оживился Малой, вопросительно смотря на Шмеля.

– Почему не поделиться? Я не жадный, не то что ты, Малой!

– А что я?

– А то, что самогону у тебя строго на двоих осталось!

– Ну ладно, это я так, не обделил бы, не из таких!

– Тогда раскумаримся?

– Какой базар! Забивай плотнее и без табаку. Самогон по-
дойдет, авось не выдохнется!

Шмель соорудил приличный косяк. Присели на корточки,
пустили папиросу по кругу.

– Ух! Ништяк анаша! – восторженно оценил качество нар-
котика Малой, сделав положенные три затяжки и передав ку-
рево дальше, Шмелю. – Самогон по сравнению с ней – фу-
фло, а эта сразу потащила, ништяк!

После второго круга выбросили мундштук. Наступило
расслабление, тревоги и заботы отошли в сторону, осталось
блаженное ощущение безопасности и безразличия, что, одна-
ко, не помешало продолжить разговор.

– Повеселее стало, Малой? – спросил Шмель.

– А то!

– Ну и хорошо. Думаю, делить нам нечего, оттого, как го-
ворил кот Леопольд из мультфильма: «Давайте, ребята, жить
дружно»!

– Базара нет, Шмель! Говори, что делать предстоит?

– Шишки с кедров сбивать!

– Я же серьезно! – надулся, как обиженный ребенок, Ма-
лой, но без тени агрессии.

– И я серьезно! В тряпье, что принес Серый, две винтовки
«СВД». Слыхали о таких?

– «СВД»?

– Ну да, снайперские винтовки. И цинк боевых патронов

к ним. Хозяин велел сделать из вас настоящих снайперов.

– А твой хозяин не подумал, что мы можем с этими игрушками уйти в тайгу?

– Во-первых, не мой, а наш хозяин, во-вторых, для чего в тайгу?

– Ну мало ли? Трясти артельщиков, что золото моют...

– Нет, Малой, хозяин не боится этого. Он ничего не боится, на то он и хозяин. Это его все бояться, ибо не прощает он никому и ничего, даже малейшей провинности. А насчет того, о чем ты говорил, Малой, то далеко ли ты уйдешь? В тайге? Не зная ее законов?

– Да я так, пошутил!

– Со мной шути, со мной можно. А вот с Сулемой лучше не надо. Он правая рука хозяина, его палач!

– Спасибо за науку, будем знать. А кто он, этот грозный хозяин?

– Вам этого знать не надо. Наступит время – узнаете, если он этого захочет. Вообще же, не думайте лучше ни о чем, а выполняйте свою работу, целее будете!

– Так, значит, по шишкам стрелять будем? – переспросил Серый.

– Именно, – ответил Шмель.

– Из чего, братан, – обратился Малой к Серому, – следует, что взяли нас с тобой на «мокрое» дело. Не иначе валить кого-то придется. Угадал, Шмель?

– Не знаю. Но скорее всего, так!

– А ты давно пашешь на своего хозяина? – неожиданно сменил тему разговора Малой.

– Третий год, а что?

– Что он за мужик? Не кинет по концовке?

– Пока никого не кидал, насколько знаю. Каждый получал то, что заслужил.

– И много ты заслужил за эти три года? – продолжал в том же духе Малой, хотя видел, что эта тема начала раздражать Шмеля.

– Ты любитель считать чужие деньги? – вопросом на вопрос ответил Шмель. – Учти, здесь такой интерес не поощряется. Что заслужил – все мое!

– Закончили базар, а? – предложил Серый. – Что вы как маленькие, на самом-то деле. Давайте лучше похаваем, а то после дряни аппетит разыгрался волчий.

– Золотые слова, Серый, – поддержал его Шмель, – жрать действительно хочется. Ну а потом приступим к делу.

Троица зашла в дом, где плотно перекусила тушенкой.

После перекура Шмель развернул винтовки.

– Дело когда-нибудь со снайперским оружием имели? – спросил он.

– Откуда?

– Тогда для начала слушайте и смотрите, я расскажу вам общее устройство оружия и механизм его применения.

Команда новоявленных стрелков приступила к учебному процессу.

А Сулема, покинувший снайперов в двадцати минутах хода от Рахтура, остановил и спрятал в прибрежных зарослях баркас, устроился в нем поудобнее и уснул. В шесть часов, как и планировал, он проснулся и вывел лодку на чистую воду, завел мотор и на средних оборотах, держась правой стороны, где встречное течение было слабее, направился к Рахтуру. Остановился на окраине у первого мостка, причалил, закрепил лодку и пошел вдоль берега по тропинке к причалу Якова Петровича Голонина. Около семи к реке обычно спускалась рабыня старика, Настя. Ее-то и надо было увидеть чеченцу. Он присел на бревно, закурил. Вскоре затрепетали металлические поручни и послышался характерный звук ударяющихся друг о друга пустых ведер.

Убедившись, что к реке спустилась именно девица Голонина, Сулема вышел из укрытия, ступил на причал. Как раз когда Настя черпала воду.

– Ой! – испуганно вскрикнула она, увидев в темноте человека, но тут же узнала его: – Черт, через тебя чуть ведро не утопила.

– Узнала?

– Узнала.

– За водой пришла? – не зная, с чего начать разговор, глупо спросил чеченец.

– А что, не видно? Зачем же еще на реку ходят?

– Ну как зачем, например, на свидание!

– Чего?

– Послушай, девушка, ты знаешь меня, я знаю тебя. Есть у меня к тебе разговор, даже не разговор, а предложение.

– Ну говори, только побыстрее, дед не любит, когда я задерживаюсь.

– Поэтому ты вся избитая? Издевается старый хрыч?

– Ты об этом хотел меня спросить?

– Нет! Слушай, девушка, внимательно. Раз торопишься, говорить буду быстро, прямо и открыто.

– Слушаю тебя, Хоза!

– Я собрался покинуть эти места. Навсегда. Уехать на родину, на Кавказ. Ты мне нравишься...

– Что? Что ты сказал? – прервала его от удивления девушка.

– Сказал, что ты мне нравишься.

– Зачем смеешься надо мной? Кому может нравиться долговязый, плоский урод?

– У нас, на Кавказе, почти все девушки тонкие, как лоза виноградная, и высокие, как ты. Это здесь толстые считаются красавицами, чем толще, тем лучше, у нас наоборот. И, потом, родив первого ребенка, ты расцветешь, как эдельвейс, я знаю!

– Я рожу ребенка?

– Конечно, и не одного, у нас большие семьи. Но это, конечно, если согласишься уехать со мной.

– Ты предлагаешь стать мне твоей женой?

– Да!

От неожиданности сделанного предложения девушка опустилась на причал.

– Одна беда, Настя, денег у меня, чтобы свой дом поднять, нет. Сколько пашу на хозяина, только подачками и кормит.

– У меня тоже ничего нет, Хоза! – с искренним сожалением проговорила Настя.

– Я знаю. У нас с тобой нет. Зато деньги есть у твоего деда, он где-то в подвале их хоронит, много денег.

– Ой, что ты говоришь? Разве можно воровать?

– А разве можно из свободного человека раба делать? Издеваться над ним? Избивать до полусмерти? Это можно? Вот за это твой дед и должен заплатить, и это не воровство, а компенсация за все то зло, что он причинил тебе, невинному и незащищенному человеку. Короче, так! Времени действительно у нас уже нет. Или мы убьем старого осла и заберем деньги, чтобы начать новую жизнь, или расстаемся навсегда. Ты меня больше не увидишь, клянусь! Никогда. Подумай за завтрашний день, все хорошенько, а вечером тут же и в это же время скажешь свое решение. Если «да», то я все сделаю так, что произойдет несчастный случай. Ты только немного мне поможешь. Если «нет», то значит нет. Не суждено мне, значит, жить с любимой девушкой. Останусь один!

– Ты сказал, с любимой?

– Да! Я же люблю тебя. Иначе зачем пришел бы сюда? Ну все, Настя. Тебе пора, иди, а то хватится тебя старый шайтан.

Опять будет бить! Но тогда я зарежу его, как барана!

Не дав девушке ничего сказать, Сулема повернулся и скрылся в темноте тропы над рекой. А Настя, отчего-то дрожа, еле поднялась на ноги, взяла коромысло на плечо и пошла наверх.

Сердце ее учащенно билось.

Сулема же, пройдя за поворот, скрывшись с глаз «возлюбленной», остановился, закурил.

– Никуда ты не денешься, коровка божья, завтра и согласишься на все, тогда и сыграем игру. Все одно, дуреха, тебе не жить нормально на этом свете. Такова уж твоя доля, голубушка!

Докурив сигарету, бросил окурки в реку. Течение сразу подхватило его, потащило к середине, на стремнину.

Сулема повернулся и начал подъем. Ему сегодня надо было навестить еще деда Ефима, там переночевать и дожидаться завтрашней встречи с «невестой».

Вечером этого же дня начальнику местного отделения милиции позвонил Жилин:

– Алло! Федор Олегович?

– Да, Ипатьев на проводе, с кем имею честь?

– Жилин с вами говорит!

– А, Дмитрий Сергеевич! Рад вас слышать! Случилось что?

– Да нет! Тут такая ситуация сложилась. Продукции гото-

вой скопилось немало, а с центральным сейфом проблема.

– Что такое?

– Да замки заедают, надо ремонт делать. А следовательно, продукцию с прииска вывезти, согласно инструкции. Все же, понимаете сами, золото. Вывезти и поместить в хранилище банка. Заодно бригаду мастеров из Верхотурска ко мне доставить, я начальству своему уже сообщил, они вышлют людей. В четверг бригада будет в Рахтуре.

– Так вам что, вертолет с охраной нужен?

– Да! Как обычно, только в более ранние сроки.

– Ну это не проблема. «Ми-2» всегда готов к вылету, пилоты на месте, об охране и говорить нечего. На сколько загрузите машину?

– Да ерунда, килограммов шестьдесят да мой бухгалтер.

– Действительно ерунда! Когда будем планировать полет?

– В четверг. После того, как мастера прибудут в поселок.

Их сюда бросить, обратно груз. Ну и отработанная схема с банком!

– Понял вас. Предупредите своих мастеров, чтобы по приезде сразу ко мне в отделение прибыли, на взлетку их доставят отсюда.

– Хорошо! Значит, решено?

– Конечно, Дмитрий Сергеевич!

– Ну тогда пока, занимайся своими делами и прикинь, когда встретимся. Сколько уже не виделись? Рыбалочку организуем, шашлычок, спиртику чистого? А, Федор Олегович?

– Вот после акции, в выходные и встретимся. Моя как раз в Верхотурск, к своим собирается.

– Так, может, палаточку отдельную организовать? Ведь наверняка не один прибудешь?

– А вы прозорливы, Дмитрий Сергеевич, палатка на двоих не помешает!

– Заметано, я начинаю готовить пикник!

– Готовьте! До связи!

– До связи, Федор Олегович!

Майор Ипатьев положил трубку, чтобы тут же ее поднять вновь и набрать местный поселковый номер секретаря парткома Рахтура и одновременно председателя местного исполкома, то есть верховной власти местного пошиба, Халтурина Валерия Алексеевича. Тот был на месте и ответил сразу. Строго, официально, как и положено руководителю его уровня:

– Да! Халтурин слушает!

– Валерий Алексеевич, вас беспокоит майор Ипатьев.

– Что-нибудь случилось, Федор Олегович?

– Ничего серьезного. В городе все спокойно. Просто информация к размышлению появилась.

– Ты, как Штирлиц, ей-богу, ну что за информация?

– Только что звонил Жилин.

– Жилин?

– Да! Он просил организовать внеплановый вывоз готовой продукции с прииска.

– Что, намыл сверх нормы?

– Нет! Дело в другом!

– В чем же?

– У него якобы центральный сейф забарахлил, нужен ремонт, он и бригаду мастеров уже вызвал. Поэтому и просит вертолет. Для доставки ремонтников и вывоза продукции на четверг.

– Ну и что? Такого разве не может быть? Я имею в виду поломку сейфа? Вполне может. И действует Жилин по инструкции, в чем проблема?

– Не знаю. Раньше подобного никогда не было.

– Все когда-нибудь ломается. Но информацию принял, дам команду на месте проверить ее достоверность. А вывоз готовь, по штатному расписанию!

– Понял, Валерий Алексеевич!

– Больше Жилин ничего не говорил?

– Нет!

– И на рыбалку не приглашал?

– Какая может быть рыбалка? Я на выходные планирую протоки проверить, насчет браконьеров. Что-то наш рыбнадзор, по-моему, работает спустя рукава.

– С чего ты это взял?

– С рынка. Он весь рыбой завален, свежей!

– Ну ладно, работай, а главное, охраняй покой граждан, это твоя основная задача! До свидания!

– До свидания, Валерий Алексеевич!

Ипатьев положил трубку. Проговорил:

– Так оно спокойней будет. С золотом не шутят. Одно дело, если я самолично разрешу внештатный полет, за что, в случае чего, отвечу по всей строгости, и совершенно другое дело, если есть санкция высшего начальства. Другой коленкор получается.

Начальник поселкового отделения милиции майор Федор Олегович Ипатьев был осторожным и предусмотрительным служакой.

Хоза Сулейманов зашел через двор в дом деда Ефима. Тот читал местную газету, всматриваясь в каждую строку.

Услышав появление гостя, повернул к нему голову.

– Хоза?

– Я!

– Ты, как всегда, как привидение появляешься. Нельзя зайти с улицы, как нормальный человек? Тебя же здесь каждый знает, аль опасаться чего?

– Чего мне опасаться? Привычка просто. Ходить так, чтобы другие не видели.

– Пошто явился? Жилин прислал?

– Нет, надо пару дней в Рахтуре провести по личным делам, а где остановиться? Только у тебя и можно, если, конечно, не погонишь прочь.

– Почему погоню? Что ты мне плохого сделал? Оставайся, живи сколь надо! Вон лавка, постель на печи. Хлеб, са-

ло есть, ах да, ты же насчет сала того... не употребляющий. Ну тогда говядина есть, соленая, с перчиком. Да и самогон найдется!

– Вот это в самый раз, хороший ты человек, дед Ефим!

– А вот это для кого как! Парни-то, что я из зоны встретил, пригодились?

– Пригодятся еще, не время пока!

– Ну вам виднее, молодым, когда да что. Присаживайся, выпьем!

– Сколько тебе лет, дед?

– Мне? Скоро девятый десяток разменяю, а чего?

– С ума сойти, девятый десяток! А все самогонку пьешь!

Другие в твоём возрасте или уже в могиле гниют или на таблетках сидят, вернее лежат, смерти дожидаясь. А ты еще ничего, крепок!

– А что самогон? В нём все мое лекарство. Чуть ноги замочил, сразу стакан и на печь. Глядишь, болезнь мимо и пронесет. А не выпил бы? На следующий день и свалился бы, точно тебе говорю. А мне валиться нельзя, кто ухаживать-то будет? Да и не встать боле. Нет, валиться никак нельзя!

Он выставил штоф самогона, стаканы, нарезал хлеб, мясо, лук с чесноком. Разлил первач.

– За что выпьем, Хоза?

– За здоровье, дед! Чтобы оно всегда было у тебя в норме.

– Пустое предлагаешь. Сам знаешь, вечно никто не живет, вот и мне последние годы, а то и месяцы топтать эту грешную

землю. Не будем грустить, а выпьем за жизнь. Сколько бы ее нам ни осталось!

– Хороший тост, дед! За жизнь!

Они чокнулись и выпили. Закусили, поговорили еще немного, куря стариковского самосаду. Дед вспоминал каторжную молодость свою. Потом улеглись по местам, уснули.

Наутро дед, вставший рано, старался не потревожить сон гостя, вышел во двор и начал мести его, вылизывая свою территорию, словно солдат первого года службы. Эту процедуру дед Ефим непременно делал каждое утро, вместо гимнастики, которую осилить уже был не в состоянии.

Хоза поднялся ближе к обеду и сразу под холодную воду. Тоже своеобразная тренировка и потребность организма. Потом пообедали. Дед спросил:

– Вечера ждешь али ночи?

– Вечера, как стемнеет!

– Лодку где оставил?

– У крайнего мостка.

– С мотором?

– Не тащить же его на себе?

– Так сопрут ведь!

– Найду – башку отрежу!

– Кому? Кого ты тут найдешь? Уволокут мотор, вовек не сыщешь!

– Я найду! Глаз да ушей в поселке много.

– Ну ты как знаешь, а я пройду к реке, посмотрю. Все

одно делать нечего. Выпить еще захочешь, за лавкой, в сенях найдешь!

Дед Ефим вышел. Сулема проводил его взглядом.

Сколько дед жить собрался? Годы? Месяцы? Нет, дедушка, не угадал ты. Дни тебе остались, считанные дни. Много ты знаешь, к сожалению, вдруг решишь покаяться, и не только священнику, груз грехов с души снять. Их, поди, у тебя накопилось немало. Так что такой вот расклад. Но пока походи, подыши воздухом. Еще пару дней у тебя есть, пока он, Сулема, закончит дела с Яковом Петровичем, такой же плесенью, и «невестушкой» своей, Настей! Смерть тебе легкой будет, потому как неожиданной, ты и понять-то ничего не успеешь, как отойдешь в мир иной. Даже сам Сулема предпочел бы в случае чего, чтобы его грохнули откуда-нибудь из-за угла, в спину, насмерть, сразу.

Глава шестая

Дед вернулся часа через два.

Сулема спросил:

– Что-то ты, дед, долго у реки торчал. Или ходил еще куда?

– Нет, вышел к мосткам, сел в твою лодку, да так и просидел, о жизни своей прожитой думая.

– Не тронули лодку? – спросил чеченец, решив сменить тему, так как ему не хотелось слушать причитания старика о своей загубленной молодости, одинокой старости и тому подобной ерунде.

– Нет! Все в порядке! Да ты и поставил ее так, что, не подойдя вплотную, лодку даже со склона не видеть. Ладно, чего-то мне не можется. Про здоровье вчера вспомнили, вот и результат – сглазили, не иначе!

– Не надо было у воды сидеть, просквозило тебя на ветру – и весь сглаз!

– Может, и так. Сейчас лекарства своего приму и на печь, ты уж тут один как-нибудь.

– Давай, давай, дед, лечись!

– Со мной не дернешь грамм сто?

– Нет, не буду.

– Ну смотри.

Выпив стакан первача, занюхав выпитое коркой хлеба, дед

Ефим взобрался на печь, где за занавеской и затих, уснув.

Сулема вновь остался один в комнате. Ближе к вечеру стал накрапывать дождь. Сначала редкий, несмелый, потом плавно перешедший в приличный ливень. Это было на руку Хозе, если девка даст согласие. Тогда действовать придется немедленно и там и здесь, чтобы к утру покинуть Рахтур. Выполнить задуманное в дождь было и проще и сложнее одновременно. Вода смывает следы, но она и вполне в состоянии сделать лестницу непригодной для пользования. А на ней строился главный расчет в отношении Голонина.

Вышел Сулема из дома, как всегда, через заднюю калитку, обошел поселок, вышел к реке. Никого не встретил, да и немудрено, непогода разыгралась не на шутку, гоняя косяки дождя сильными порывами ветра. Пройдя по тропе до причала Якова Петровича, Хоза укрылся под разлапистой ветлой, у бревна, на котором вчера ждал появления Насти. Лодка Голонина билась бортом о деревянный настил причала, и это обстоятельство отчего-то раздражало Сулему. Черт старый, не мог посудину свою с носа и кормы закрепить? Болтается теперь лодка, как дерьмо в проруби.

Он посмотрел на часы. 19.07. Пора бы появиться Насте. Или... Неужели не решилась и не придет, от греха подальше? Да еще вдогонку расскажет старику о вчерашней встрече? От бабы, тем более такой забитой, как эта Настя, всего можно ожидать. Хреново тогда получится! Жилин такой промашки не простит, ведь именно Хоза настоял на том, что-

бы таким образом убрать старика, когда хозяин принял решение о ликвидации и Якова Петровича, и деда Ефима. И теперь все сорвется? И не просто сорвется, а создаст реальную угрозу всему делу? Да Жилин за это удавит его, Сулему! И бросит в Граву, раков кормить! Чеченец даже вспотел от такой мысли. Он решил, если Настя не появится через двадцать минут, сам пойдет наверх и пристрелит всех, кто окажется в доме. Пристрелит и сожжет. К черту весь двор! Дело должно быть сделано в любом случае. А если там милиция? Все одно, стрелять сразу и всех и уходить, авось повезет. А нет, то один черт, нить его жизни оборвется в ближайшие часы. Не так, так эдак!

Но Настя появилась. Услышав ее осторожные шаги, Сулема облегченно вздохнул. Поднял глаза к небу. Ему хотелось закричать во весь голос: «Аллах Акбар!» – поблагодарить всевышнего. Но, понятно, он не произнес и слова.

Чеченец вышел навстречу девушке, протянув руку в перчатке, помог преодолеть последние ступени.

– Здравствуй, Настя!

– Здравствуй, Хоза!

– Я ночь не спал, Настя, день не спал, сутки не спал. Думал.

– О чем?

– Как о чем? О чем может думать джигит, ожидая ответа девушки на сделанное ей столь серьезное предложение? Ведь отказ для меня – позор!

– Ты думал, как я тебе отвечу?

– Конечно!

– Я согласная, Хоза!

– Настя! – Сулема через силу обнял девушку. – Я люблю тебя, Настя!

– А ты не бросишь потом меня, Хоза?

– О чем ты говоришь? Даже думать об этом не смей! Слово горца, мы будем вместе, пока смерть не разлучит нас! Верь мне!

– Я верю, Хоза, но все так неожиданно, как во сне!

– Как хорошо стоять с тобой вот так, обнявшись. И я готов бы стоять так всю ночь, несмотря на дождь, но нам нужно сделать дело, хотя это и неприятно. Неприятно, мерзко, но необходимо. Жизненно для нас необходимо, Настя! Помнишь об этом?

– Помню, – тихо проговорила девушка.

– Тогда не будем тянуть время, оно нам еще понадобится там, в подвале. Ценности старика запрятаны в тайнике, придется разбирать кладку стены, это время, потом все восстановить, это тоже время, а до рассвета мы уже должны скрыться отсюда.

– А куда скрыться, Хоза?

– Потом все расскажу. Сейчас сделай вот что. Поднимись в дом, скажи, что старика внизу на причале ждет сам Жилин. Он якобы потребовал, чтобы Яков Петрович спустился к нему.

– Жилин?

– Да! Запомни эту фамилию. Дед не посмеет послушаться и пойдет к лестнице. Ты иди следом. Как только он ступит на ступени лестницы, толкни его в спину. Как можно сильнее, чтобы он полетел вниз. Здесь я его встречу и закончу дело. Твой мучитель умрет от моей руки, руки твоего будущего мужа. Так и должно быть! Я же и тело в реку сброшу. Потом поднимусь к тебе. Зайдем в избу, возьмем инструмент, чтобы стену аккуратно разобрать, и в подвал. Достанем ценности, деньги, и я заложу кладку, приведу все в первоначальный вид. Потом уйдем! И все будет выглядеть несчастным случаем: решил старик в непогоду зачем-то к причалу спуститься, поскользнулся и сломал себе шею. Ну а ты еще до этого ушла от него. Отпустил он тебя. Кто проверит? Моя лодка на окраине поселка, на ней уйдем в глухие протоки, где есть у меня маленький домик, для охоты делал, никто о нем не знает. Переждем какое-то время, запасы еды там есть, а затем в Верхотурск. Оттуда на Ростов, а это уже Кавказ. Ты представляешь, какие дни мы проведем вдвоем в одиноком, уютном, теплом домике, на мягкой постели? На всю жизнь запомним.

Девушка густо покраснела, хотя ее румянец не был виден в темноте. Все тело ее дрожало.

– Боюсь я, Хоза!

– Не бойся, дорогая, я все продумал!

– А как я за ним следом пойду? Спросит, куда я намыли-

лась?

– Сделаем так! Ты дождись в сенях, как он подойдет к лестнице, потом быстро подбеги и толкни! Настя, это надо сделать! Ведь на кону наше с тобой счастье!

– Ой, господи, ладно, пропадать так пропадать, пошла я! Что будет? Прости меня, господи!

– Иди, дорогая, и помни, я рядом!

Девушка, скользя по размытым ступеням, начала подниматься по лестнице. В сенях ее ждал Яков Петрович.

– Ты где шлялась, косоротая?

– Во двор вышла, а снизу, с реки, свист, – скороговоркой заговорила первое, что пришло ей в голову, Настя, – я к лестнице. Оттуда, снизу, кричат, – спустись сюда, Настя. По имени назвали. Я и пошла.

– И кто же к тебе пожаловал?

– Не ко мне, а к вам!

– Ко мне? – удивился Яков Петрович.

– Да! Жилин какой-то!

– Жилин? – еще более удивился старик. – Ты не ошибешься?

– Нет! Мужчина в плаще Жилиным назвался, рядом лодка, в ней еще два человека. Этот, в плаще, мне и сказал: «Иди, мол, Настя, обратно и передай Голонину, чтобы срочно спустился ко мне, на причал. И побыстрее! Я жду». Я ему: «Старый, мол, он по лестнице в такую погоду лазить». А Жилин этот как рявкнет на меня: «Я кому сказал, дура? Делать,

что сказал!»

– Это его манеры. Черт, и что за нелегкая его принесла?

– Не знаю!

– Не знаю! – передразнил ее озабоченный и взволнованный внезапным появлением Жилина Яков Петрович. – Тебе и знать-то нечем, дура безмозглая, подай сапоги и плащ!

Настя выполнила требования старика. Тот оделся, взял свою неизменную трость, приказал:

– Ты сиди дома, я скоро приду!

– Куда ж мне идтить-то?

– Ты найдешь куда, дай только волю.

Яков Петрович вышел во двор.

Что еще Жилину вдруг понадобилось? Да еще когда, мать его за ногу, дождь все ступени почти размыл? Надо осторожней, как бы не скovyрнуться. А Жилин хорош, тоже мне деловой, сам подняться не мог. Молодой же. Нет, надо старика к себе вызвать. Начальник, вишь! А возвращаться в дом как?

«Не иначе придется вокруг идтить, по лестнице в обратку не подняться», – думал Голонин, подходя к спуску.

Остановился, оперся на перила, внимательно всмотрелся вниз, там – чей-то силуэт, может, окрикнуть?

Тут-то из сеней и вылетела Настя. Птицей пролетев расстояние до деда, врезалась ему в спину, сразу же сбив с ног и чуть было не полетев дальше, за Голониным. Но удержалась, схватилась вовремя за перила. Яков Петрович ни обернуться, ни тем более вскрикнуть не успел, исчезнув в темноте.

Настя сразу же вернулась в дом, прислонилась спиной к двери, шепча то ли молитву, то ли еще что-то, пришедшее на память. Плоская грудь ее вздымалась от тяжелого дыхания.

А внизу Сулема с трудом остановил катящееся тело Голонина, не дав тому, проскочив причал, сразу уйти в реку. Он повернул старика на спину. Разбитое в кровь лицо со спутанной бородой, открытыми и недвижимыми глазами.

Сулема пощупал пульс. Тот еще бился, но слабо. Ждать, пока Голонин сам отойдет в мир иной, времени не было, и чеченец, подняв голову охотника, ударил затылком о выступающий из доски металлический штырь, пробивая череп. Все!

Теперь тело в воду, пусть плывет себе, покуда не выловят. Сулема толкнул труп старика с причала. Надувшийся плащ медленно пошел по течению к быстрине, пока не скрылся среди поднявшейся волны. Чеченец надел перчатки, поправил небольшой ранец за спиной, прихватил трость деда, которая застряла между досок, начал трудный, скользкий подъем.

Ему, при всей ловкости, понадобилось более двадцати минут, чтобы преодолеть лестницу длиной всего около тридцати метров. Наконец он вышел во двор. Отдышался. Прошел в сени. Там его встретила перепуганная Настя. Сулема молча переобулся в туфли, оставив сапоги на крыльце, под навесом. Туда же бросил штормовку.

Первое, что девушка спросила, было:

– Как он там, Хоза?

– Рыб кормить отправился, любимая. Кончились твои мучения, новая жизнь впереди. Возьми фонарь и полезли в погреб.

Настя послушно последовала за Сулемой, передав ему небольшой, но мощный фонарь. Спустившись вниз, чеченец спросил:

– И здесь тебя закрывал этот старый изверг?

– Да! Один раз чуть было не окочурилась от холода. И крыс тут много, но сейчас почему-то ни одной не видно.

– Света боятся. Так! А что это за ящик в углу?

– Не знаю, он здесь давно.

– Что в нем?

– Не знаю.

– Открой, пожалуйста, Настя, посмотри!

Девушка отбросила крышку, нагнулась и сказала:

– Ничего не видно, барахло какое-то, дай мне фона...

И это были ее последние слова в жизни. Сулема, размахнувшись, дважды ударил девушку тростью по затылку. Настя, не издав ни звука, повисла на стенке ящика. Чеченец за волосы вытащил ее оттуда, бросил на земляной пол погребца, ногой перевернул лицом вниз. Еще раз размахнулся и в третий, последний раз ударил девушку по шее, ломая позвонки.

Отошел, отбросил трость в сторону. Затем решил проверить пульс, для подстраховки. Он не прощупывался, да так и должно было быть.

Сулема улыбнулся, он и слово свое даже не нарушил: их разлучила смерть. Вспомнил, как Настя упоминала о крысах.

– Крысы? – проговорил он тихо. – Крысы – это хорошо, особенно если они голодные.

Чеченец поднялся наверх, в комнату, закрыл крышку люка в погреб, накрыв его старым, протертым до дыр ковриком. Вышел в сени, оттуда под навес. Вновь переобулся, засунув туфли в ранец, надел штормовку, пошел к лестнице.

Через час он вошел, как обычно с тыла, в дом деда Ефима, проделав с одеждой и обувью те же манипуляции, что и в доме Голонина.

Старик только что спустился с печи. Сулема спросил:

– Ну, дед, как здоровье?

– Эх, говорил, сглазили вчера. Мочи совсем никакой нет, ноги аж выворачивает. Ты-то все свои дела сделал?

– Да! А и делов-то было так себе. Может, тебя, дед, первачом растереть?

– Не. Не поможет, чего зря продукт переводить? Сейчас по нужде схожу да лягу. Накроешь тогда еще полушубком, а то знобит сильно.

– Тебе аспирина нужно. Есть аспирин?

– Откуда? Никогда за всю жизнь лекарства не потреблял.

– Ну как знаешь, а накрыть тебя я накрою, какой может быть базар? Самогон, ты говорил, в сенях? Выпить хочется.

– Ага! Идем, достану!

Сулема, взяв бутылку первача, отпил почти половину пря-

мо из горла. Он был в перчатках, поэтому за отпечатки на пузыре не думал. Теплая волна успокоения пошла по телу. Задание Жилина он наполовину выполнил. Остался Ефим. С ним чеченец планировал покончить в зависимости от того, как получится с Голониным и его девкой. Настя могла упереться, и пришлось бы ее уламывать или принимать кардинальное решение, а это означало потерю времени. Поэтому деду Ефиму, по плану, Сулема отводил еще сутки жизни. Но теперь, когда с первыми разбор закончен, можно и с Ефимом рассчитаться прямо сегодня. А чего тянуть? Лишнее время его пребывания тут – это лишний риск засветиться. Объясняй потом в ментовке, что он делал в поселке в ночь убийства Насти и гибели Голонина. Тогда Ефима трогать будет нельзя. Придется ждать. От ментов-то он отмоется, это не проблема, а вот с дедом неминуемо придется откладывать акцию ликвидации. Ждать момента. А сколько ждать? Неизвестно. Так что уж вернее завершить все одним махом и убраться отсюда.

Баркас его могли видеть, особенно местные пацаны, слоняющиеся возле реки, словно она их магнитом к себе тянет. Ну и что? Он нигде не зарегистрирован, да и притопит его Сулема, как наступит необходимость. А пока спрячет его у базы снайперов, как доберется туда. Там, правее, стоит еще катерок. Тот уже на прииске числится, чистая посудина. На нем и вернется к Жилину. Значит, решено! Валить Ефима будем сегодня, прямо сейчас, укрывая полушубком.

Старик вернулся:

– Еле дошел, мать ее!

– Может, махнешь все же, дед Ефим? Перед сном-то, для разогрева?

– А, давай! Налей стакашек!

Хоза подал старику полный граненый стакан.

– Ну ты че, Сулема? Лобастый не потяну, граммов сто, не больше.

– Так отпей, сколько хочешь, какие дела?

Дед Ефим сделал большой глоток, закашлялся:

– Черт! Не в то горло пошло!

Хоза несколько раз хлопнул старика по спине. Кашель прекратился. Дед продолжал возмущаться:

– И что за день сегодня такой? Все через задницу идет!

– Ты ложись, пропотей, к утру, глядишь, и полегчает.

– Дай-то бог!

Дед Ефим с помощью Сулемы взобрался на печь. Чеченец, встав на лавку, накрыл его одеялом, сверху бросил тулуп. И тут же резко выхватил из-под головы старика подушку, накрыл ею его лицо. Налег всем телом на подушку, закрывая старику доступ воздуха. Ноги и руки деда Ефима задержались. Предсмертная судорога сотрясала тело. Минут через пять Ефим затих. Теперь уж навсегда.

Хоза поднял подушку. На него смотрели открытые, немного выпученные глаза на посиневшем от натуги лице. Он закрыл веки, подержал немного, отпустил.

– Вот так, дед Ефим, вот ты и не будешь больше болеть, отболелся! Прощай, старик, мне, честное слово, жаль, что так получилось. Да будет тебе земля пухом!

Больше в Рахтуре Хозе Сулейманову делать было нечего. На данном этапе. Он вновь переоделся на выходе из дома, накрывшись штормовкой от продолжающегося затяжного ливня, вышел во двор и растворился в темноте.

Через некоторое время баркас с Сулемой у руля, тихо качаясь на волнах Аллы, уходил по стремнине вниз, все дальше от поселка. Только на повороте, в устье Гравы, он завел мотор и направил баркас туда, где, обкурившись анаши, уже спали Шмель, Малой и Серый. По пути утопил перчатки. Найдобность в них отпала.

Сулема не стал будить подельников, да и бесполезно это было. Он завел баркас в камыши, укрыл его, вернулся в домик. Из потайного шкафа достал еще один спальный мешок, разделся, развесив промокшую одежду, влез в него. И уснул сном спокойного, здорового человека, сразу и без сновидений.

Утром новоявленные снайперы и Шмель были немало удивлены соседством с Сулемой, который и поднял их ровно в шесть утра, по-военному:

– А ну, гвардия, сорок пять секунд, подъем!

И даже спичку зажег. Для проформы, конечно. Наивно было бы ожидать, что его подчиненные приведут себя в порядок за время горения спички. Ровно через сорок пять се-

кунд.

Когда троица наконец пришла в себя, оделась, собрала спальные принадлежности, чеченец приказал:

– Малой и Серый на причал, умываться, бриться, Шмелю остаться. Вперед!

Бывшие эки вышли из домика, Сулема обратился к Шмелю:

– Докладывай, Гена!

– Да докладывать, по большому счету, нечего. Тренируемся понемногу, но о чем еще можно говорить? Всего сутки прошли!

– Поторопись! Я точно не знаю, когда твои подопечные понадобятся в деле, поэтому нужно подготовить их в экстренном режиме. Сам будешь их страховать и... ну остальное ты знаешь. Сейчас я уплыву, встречусь с хозяином. Если сроки акции установлены и окончательный план разработан, то сразу сообщу тебе.

– Как?

– Скорее всего, сам приеду. Ставить задачу. Я поплыву на штатном катере.

– У нас тогда из плавсредств ничего не останется?

– Мой баркас в камышах, но его не трогать без острой необходимости, он наверняка находится в розыске, но в акции использовать будем его. Затем затопим.

– Где засветил-то его? Не иначе шухер навел в Рахтуре?

– Тебя это волнует?

– Нет! Ни разу!

– Вот и не спрашивай глупости, подведи сюда катер, мне пора!

Шмель ушел, но скоро под урчание небольшого катера подошел к причалу, где заканчивали свой утренний моцион Малой с Серым.

Сулема пересел в катер.

– Счастливо оставаться, стрелки ворошиловские, сегодня весь день тренироваться, патронов не жалеть. Все! До скорой встречи, братва!

– До встречи, – разрозненно ответили ему «снайперы».

Хоза развернул катер и направил его против течения Гравы, к прииску.

Глава седьмая

Утром следующего дня Жилину позвонил начальник милиции Рахтура.

– Дмитрий Сергеевич, это Ипатьев, здравствуйте!

– Доброе утро, Федор Олегович, случилось что?

– Случилось!

– И что же?

– Да два старика у меня прошедшей ночью богу души отдали и девицу одну забили насмерть. В одну ночь!

– И что в смерти пожилых людей криминального? Другое дело – девушка. И все же, почему ты решил, что данный факт будет мне интересен? Кстати, кто погиб и умер?

– Грунин Ефим Григорьевич, Голонин Яков Петрович и его то ли внучка, то ли не пойми кто, Настя, жившая в доме последнего.

– Дед Ефим? Голонин? Настя? Последняя, говоришь, уби-та?

– Да!

– Жаль, знал я стариков лично. Да и девушку видел. И все же, не пойму, почему ты решил позвонить мне? Я бы и так узнал. Следовательно, у тебя есть ко мне какой-то свой интерес?

– Просто хочу задать несколько вопросов, не возражаете, Дмитрий Сергеевич?

– Да ради бога, если смогу быть полезен твоей конторе.

– Тогда вопрос первый. У вас с прииска за прошедшие сутки или ранее баркас никуда не уходил?

– Баркас? Откуда ему взяться? У меня вся флотилия из двух катеров да пяти моторок состоит!

– Хорошо, а люди?

– Насколько знаю, нет! Все работники на месте, да и причал охраняется. Без моего личного разрешения покинуть прииск никто не может. За этим и представитель КГБ следит, правда, сейчас мы без него работаем, заболел и лежит в Рахтуре, но тем не менее, в случае нарушения отданного мной распоряжения, что, уверяю вас, невозможно, сторожа сразу же доложили бы мне о чем-то самовольничестве. И тут же принял бы меры, чтобы вернуть самовольщика.

– Вы уверены в своих сторожах?

– Во всех своих людях на прииске я уверен, иначе их здесь попросту не было бы.

– Вам не кажется, что вы излишне самоуверенны?

– Слушай, Федь, кончай этот базар.

– Всему свое время, Дмитрий Сергеевич. На первый вопрос, будем считать, вы ответили, теперь второй вопрос: возле прииска никто посторонний не появлялся? И не отпускали ли вы кого в отпуск или по иным причинам в Рахтур?

– Нет!

– И это подтвердится при проверке?

– Естественно!

– Тогда вопросов больше не имею, пока не имею!

– И на этом спасибо, теперь давай поменяемся ролями, у меня к тебе тоже есть ряд вопросов.

– Слушаю вас!

– Как была убита девушка и как ушли в мир иной Голонин и дед Ефим? Если, конечно, ответы на мои вопросы не составляют тайну следствия?

– Да какую там тайну? Весь Рахтур обо всем знает, только об этом и говорят.

– Понятно, тогда жду ответа!

– Первым обнаружили труп Голонина – рыбнадзор с утра обнаружил тело, запутавшееся в сетях.

– Как же он туда попал?

– Скорее всего, спускался по лестнице и сорвался. Погода-то, сами помните, какая вчера была? Дождь весь день!

– И он в дождь сунулся на лестницу? Это более чем странно.

– Я тоже так думаю, Голонина выманили из дома.

– Для чего? Чтобы убить Настю? Глупость! И ты Якова Петровича знал, хрен бы он пошел вниз по чьей-то прихоти. Что-то другое заставило его начать роковой спуск. И я думаю, конечно, это мое субъективное мнение, он просто бежал после того, как убил Настю. Все в Рахтуре знают, как старый деспот относился к девушке – и в подвал на несколько суток закрывал, и морил голодом, и избивал. И милиция, между прочим, смотрела на все это сквозь пальцы.

– А что мы могли сделать, если от нее ни одного заявления не поступило?

– Вот-вот, нет бумаги, нет дела! Опасная философия, Федор Олегович!

– Правила не я устанавливал!

– Да я тебя и не виню. Просто мне кажется, что смерть Насти на совести этого Голонина. Но бог наказал его. С Яковом мне все понятно, а как умер Ефим? Тоже при необычных обстоятельствах?

– Нет! Дед Ефим умер собственной смертью, у него, как показало вскрытие, было двустороннее воспаление легких, старый организм не справился с болезнью, да еще он пил. Ему нужны были лекарства. А он самогоном предпочитал лечиться. Результат, как говорится, налицо.

– Да! Жаль старика. Но и лет ему было под восемьдесят! Куда больше?

– Голонин был его ровесник.

– Там, как я уже предположил, другая ситуация имела место. А почему ты меня про баркас спросил?

– Пацаны местные видели чужой баркас у крайнего мостка на окраине поселка. Но это мог быть и катер.

– Вот ты о чем... Твои пацаны баркас или катер опознать смогут?

– Вы хотите что-то предложить?

– Да! Везите их ко мне, пусть осмотрят всю мою флотилию! Чтобы снять подозрение с людей прииска. Или, наобо-

рот, вывести на чистую воду того, кто сумел обвести вокруг пальца всех, и меня в том числе. Это было бы интересно.

– Не стоит, Дмитрий Сергеевич, я вам верю и без опознания. И потом, показания десятилетних юнцов ничего не стоят. Ну все, извините, Дмитрий Сергеевич, что оторвал вас от работы, сами понимаете – служба!

– Не надо извиняться, я все прекрасно понимаю!

– Тогда до свидания, Дмитрий Сергеевич!

– Счастливой охоты, хотя, думаю, охотиться вам не за кем, добыча ваша в сетях на реке запуталась. Но ладно, в конце концов, это не мое дело.

– Да! Забыл спросить, Дмитрий Сергеевич, договор о вывозе продукции в четверг остается в силе?

– Конечно! Как и пикник в выходные!

– Это, боюсь, может сорваться!

– Да брось ты, Федя! Дело-то яйца выеденного не стоит, так чего его раздувать? Самому же потом по макушке и получать от начальства.

– Разберемся! Еще раз до свидания, Дмитрий Сергеевич!

– Счастливо!

Жилин положил трубку, задумался. Пока все идет по разработанному им плану. Надо готовить позиции снайперов и тщательно обдумать следующий этап. В принципе, план в голове начальника прииска созрел давно, оставалось лишь его подработать, подчистить, синхронизировать действия по месту и времени. Надежно при этом скрыть следы, а следова-

тельно, убраться всех свидетелей, прямых и косвенных, чтобы на него, Жилина, не пала и малейшая тень подозрения.

В вагончик вошел Хоза Сулейманов.

– Разрешите, Дмитрий Сергеевич?

– Заходи, Хоза! Присаживайся! Докладывай!

– Короче, шеф, дело в Рахтуре я сделал, как и приказывали. Старался работать аккуратно, следов не должно остаться.

– Я уже наслышан о событиях в поселке.

Сулема взглянул на начальника с немим вопросом в глазах. Жилин объяснил:

– Звонил Ипатьев, начальник милиции, рассказывал о происшествиях прошедших суток.

– Ну и что они там, в ментовке, по всему этому думают?

– Трудно сказать! Ипатьев скрытный и хитрый мент. В глаза может говорить одно, за глаза другое, а думать третье. Сложный человек и дотошный. Главное, невозможно просчитать его ходы. Я подбросил ему версию убийства девки самим дедом. Он ее не отверг. Но как поведет себя дальше, неизвестно. Хотя, по большому счету, от него мало что будет зависеть, следствие проводит прокуратура, но подготавливать может. Твой баркас вычислил сразу же. Кстати, почему ты его не спрятал, а выставил напоказ?

– А чего было его прятать? Он никому не известен, пригнали его давно из Верхотурска, старик-рыбак продал за копейки. Он умер год назад, документы никакие не оформляли, нигде не регистрировались. Покупал посудину лично я

со Шмелем, на приiske не светил, сами знаете, хранил в камышах за территорией участка, да и использовал его только вчера. Так что, если кто и видел баркас, какие проблемы? Наоборот, он укажет на то, что ночью в поселке были чужаки. Кто они? К кому наведывались? Что делали? Пусть Ипатьев поломает голову. А сделаем дело, так затопим его и все дела! И потом, Дмитрий Сергеевич, на чем-то я должен был прибыть в Рахтур? Если не на этом баркасе, то на катере или лодке прииска. Тогда у Ипатьева к вам были бы более конкретные вопросы. Например, кто из ваших людей и зачем наведывался в поселок? И как раз в день трагедии. Мое присутствие в Рахтуре объяснить можно было бы, но все, кто жил рядом с покойным дедом Ефимом, знали, что я всегда останавливаюсь у него. При таком раскладе убрать старика я просто не смог бы. А он мог заподозрить меня в смерти Якова и Насти. Как бы он повел себя? Предусмотрел бы, что и его песенка спета? Скорее всего, старый волчара понял бы, что очередь за ним, и сдал бы меня, чтобы себя обезопасить! В итоге вся предстоящая операция оказалась бы под угрозой срыва. А так и клиенты мертвы, и у ментов всего лишь одна зацепка – старый чужой баркас, прежний хозяин которого гниет в земле. Зацепка, которая ни хрена им не даст. Пусть ищут его.

– Что же, Сулема, может, ты и прав. При условии, что тебя никто не видел в Рахтуре.

– Меня не видели в Рахтуре!

– Я Ипатьеву так и сказал, что работники прииска за последнее время никуда не отлучались, за исключением Шмелева, который у нас числится в отпуске, и весь плавсостав на месте. Что он может все это лично проверить. Мне кажется, он поверил. Хотя, повторюсь, Ипатьев еще та лиса, так что давай приступай к работе, и чтобы никто из твоих подчиненных не вякнул, если менты все же решат у нас пошустрить, что ты где-то сутки отсутствовал.

– За это не волнуйтесь!

– Тогда работай! В среду после обеда ко мне. Обсудим окончательный вариант второго и главного этапа операции.

– Понял. Разрешите идти?

– Валяй! И поаккуратней, Сулема, поаккуратней!

В Рахтур между тем прибыла следственная группа прокуратуры из Верхотурска. Следствие провели быстро. Из показаний соседей Голонина следовало, что старик постоянно издевался, часто прилюдно над Настей Коровиной, которую выдавал за собственную внучку, хотя было установлено, что никаких родственных связей они не имели. Был сделан вывод, что и в тот роковой вечер Яков Петрович решил за что-то наказать свою рабыню, но переусердствовал, убив девушку. Затем, поняв, *что* натворил, в состоянии аффекта попытался скрыться. В тайге у него, как у старого охотника, имелось несколько мест, где он мог бы долгое время обитать. Но погода внесла свои коррективы, дождь сделал спуск к при-

чалу непригодным. И Яков Петрович сорвался с лестницы, пролетев по ней около тридцати метров, ударившись затылком о металлический штырь в деревянном настиле причала, что подтвердила экспертиза, и упал в реку. По факту смерти деда Ефима вообще никаких следственных действий не проводилось. Его смерть была признана естественной. Оставался неизвестный баркас. Но по нему не было никакой информации, кроме показаний десятилетней ребятни, обнаружившей его. Эти показания ничего не стоили. Да и мало ли кто и к кому мог приплыть по реке в ту роковую ночь или раньше на какой-то старой посудине? В доме Якова Петровича посторонних следов обнаружено не было, а значит, третье лицо в тот вечер в доме отсутствовало, и трагедия разыгралась по вышеописанному сценарию. Майор Ипатьев имел собственное мнение, и касалось оно баркаса, но не стал вмешиваться в работу сотрудников прокуратуры, а они не придали этому никакого значения. Зачем тогда ему, Ипатьеву, усложнять себе и так непростую жизнь? Закрыли дело, и черт с ними. У майора других дел по горло. Бытовая преступность в Рахтуре неуклонно росла, и с ней надо было бороться. Плюс внештатный вывоз золота с прииска, ответственность за который в плане обеспечения безопасности лежала на нем. Поэтому нужно все подготовить и проверить. Короче, дел хватало и без трагедии в доме Голонина.

В среду, как и договаривались, к Жилину явился Хоза Сулейманов.

– Можно, шеф?

– Можно знаешь кого? – спросил начальник прииска.

– Кого? – не понял чеченец.

– Машку под забором!

– Какую Машку? – все никак не мог въехать Сулема.

– Да ну тебя, заходи!

– А какую Машку-то? И почему под забором? А, Дмитрий Сергеевич?

– Поговорка такая армейская есть, понял?

– Нет! Я не служил!

– В армии, когда хотят войти, то не спрашивают «можно?», а говорят «разрешите?», въехал?

– Въехал!

– Ну и хорошо!

– Сегодня среда, я пришел! – доложил Сулема.

– Это я уже заметил.

– Ну что там, в Рахтуре, слышно, не в курсе?

– Ты про своих стариков и девку?

– Да!

– Ничего! Дело закрыли, убийцей девушки признали Голонина. Насчет деда Ефима вопросов не возникло. Все чисто!

– А я что говорил?

– Ты много что говорил. Теперь сиди и внимательно слушай и еще более внимательно вникай в то, что я буду говорить!

– Понял, слушаю!

– Вот карта района, – Жилин расстелил на столе старую, потертую карту, – прииск обозначен квадратом, вот соответственно Верхотурск и Рахтур. Река Грива, место ее впадения в Аллу, сама Алла. То, что отмечено синим карандашом, – это место, где находятся Шмель и его стрелки. Вот Соловьинная гора, за ней холмы. Вертолет из Рахтура обычно летит вот этим маршрутом, – начальник прииска ручкой-указкой провел ломаную линию на карте. – Обратно по той же схеме. Высоту держит около километра. Как видишь, траектория полета условно делится как бы на два участка. Первый – почти по прямой от Рахтура до Соловьинной горы, второй – от горы, над рекой, с уклоном влево, сюда. Между участками – облет самой горы. Нас интересует обратный маршрут. Исходя из обычной схемы полета, «вертушка» вот отсюда, – Жилин ткнул указкой на остров Лебяжий, – и до Соловьинной горы летит практически по прямой. Сближается с горой примерно метров на шестьсот, уклоняется влево и обходит ее, поворачивая на девяносто градусов, чтобы далее так же почти по прямой идти до Рахтура. Нам нужно сбить вертолет! И сбить так, чтобы он врезался в гору, рассыпавшись на обломки у ее подножия, в двухстах метрах от реки. Поэтому ты, Сулема, сейчас же отправишься на плоскодонке до Лебяжьего острова, где спрячешь ее в глухой протоке у большого камня. Там пересядешь в новую моторку, которую по прибытии к Шмелю с компанией сразу затопишь, и

с утра размещаешь стрелков вот здесь и здесь, – Дмитрий Сергеевич поставил отметки на карте. – Это почти на самой вершине горы. Поэтому стрелять им будет удобно, если не упустить момента. Как только через прицел им станет виден пилот в кабине, а это произойдет при самом подлете к горе метрах в восьмистах от нее, перед маневром облета, Малой и Серый должны открыть огонь из своих «СВД». Бить в пилота и тех, кто появится в кабине. Убойной силы винтовок хватит, чтобы на таком расстоянии гарантированно поразить цели, главное – не упустить момент открытия огня, об этом проинструктируешь снайперов отдельно. Потеряв управление, «Ми-2» какое-то время продолжит полет по прямой при крейсерской скорости в 200 километров в час. Этого хватит, чтобы вертолет достиг горы и врежется в нее. Именно там, где нам и надо. Ты со Шмелем в это время будете находиться на противоположном от горы берегу реки, в густой осоке в баркасе. Как только «Ми-2» взорвется и обломки полетят вниз, вы сразу же плывете туда, к обломкам спускаются и снайперы. Находите контейнер с золотом, грузите его в баркас и на полном ходу в сторону прииска.

– Мы пойдем к прииску? – удивился Сулема.

– Именно! Но не перебивай, у тебя будет время задать мне уточняющие вопросы.

– Хорошо!

– Значит, доходите до места впадения Гравы в Аллу, там вас встретит катер с Филиппом. Перегружаете контейнер к

нему и расходитесь. Филипп идет непосредственно к прииску, вы же на остров Лебяжий. Что делать там, ты знаешь, потом забираешь плоскодонку и баркас, последний топишь где-нибудь со всем снаряжением и оружием. На плоскодонке с «Ветерком», в которой будут лежать рыбачьи принадлежности и в садке немного свежей рыбы – об этом позаботится Филипп, как стемнеет, возвращаешься на прииск.

– А тут уже менты!

– Ну и что? Ты вернулся с рыбалки. Я тебя отпустил лично и скрывать этого не буду, даже более того, оформим твоё увлечение официально. Что тебе смогут предъявить менты? На такой посудине, как твоя плоскодонка, один человек и сможет плыть, а если в нее поставить ящик весом в семьдесят килограммов, то она сразу же пойдет ко дну. Потребуют указать место, где ловил рыбу...

– Я все понял, шеф!

– Вот теперь я готов выслушать твои вопросы.

– А если вертолет пойдет другим маршрутом?

– Ты сам-то думаешь, о чем спрашиваешь?

– А что?

– А то, что в таком случае мы все останемся с носом, могли бы и сам догадаться!

– Хорошо, я сморозил глупость, согласен, а что будет, если вертолет после обстрела отвесно рухнет вниз, в реку?

– Летящая машина не может отвесно упасть. Физику надо было в школе учить. Раздел инерции.

– И все же? – настаивал Сулема.

– Ну тогда полезете за контейнером в воду, там неглубоко, метра два-три, достанете вчетвером с баркаса! – улыбнувшись, ответил Жилин. – Еще вопросы?

– Больше нет вопросов.

– Тогда иди оформляй два дня за свой счет, чтобы все чин по чину было, и дуй на рыбалку свою. Ствол в порядке? На завершение акции? Смотри, чтобы здесь никто не увидел оружия.

Сулема проверил пистолет, переложил его во внутренний карман куртки.

– Пошел я?

– Иди! Удачи тебе, Сулема!

Хоза кивнул головой, вышел.

Через час пришел водитель Жилина, Александр Филиппов, или Филипп, как все его звали на приiske.

– Заходи, Саня! Присаживайся к столу!

Филипп присел. Жилин сказал:

– Пришло время, Саша, завтра выходим на охоту.

– Понял!

– Замки вывел из строя?

– Один из двух, главный.

– Надежно? Подозрений в умышленной порче не возникнет?

– Дмитрий Сергеевич, вы обижаете старого медвежатника, да я эти сейфы в свое время...

– Ладно, ладно, молодец, – перебил воспоминания своего шофера Жилин. – Твоя главная задача поставить «УАЗ» в бокс и быть в готовности по команде на моем катере выплыть в устье Гравы, официальная причина плавания – моя просьба проверить двигатель на больших оборотах, якобы что-то он стал барахлить. Дойдешь до протоки острова Лебяжьего, у большого камня, там найдешь плоскодонку, пройдешься бредешком, возьмешь немного рыбы, кинешь ее в садок лодки, намочишь удочки, и обратно в устье. Отойдешь от Аллы метров на сто, бросишь якорь. Ждешь появления баркаса с Сулемой. Он и те, кто будет с ним, перегрузят к тебе контейнер с золотом. Сами уйдут по Алле. Ты же возвращаешься к повороту на прииск по правой стороне. Заходишь в прогалину в зарослях осоки, вскрываешь ящик. В катере будут лежать брезентовые пакеты с замками. Пересыпаешь равномерно золото в них и раскидываешь по сторонам в осоку, ближе к берегу. Уходишь оттуда, идешь опять к Алле, сбрасываешь контейнер. Возвращаешься на причал прииска. Находишь меня, докладываешь, что, мол, поломку устранил, при всех – я буду стараться находиться среди людей. И смотри, пересыпай «рыжье» над ящиком, чтобы ни одной крупички случайно не попало на катер! От этого будет зависеть твоя жизнь, да и не только твоя! Хорошо меня понял?

– Хорошо! Сделаю все аккуратно, не волнуйтесь, Дмитрий Сергеевич!

– Какие ко мне вопросы?

– У матросов нет вопросов!

– Тогда иди, матрос! И чтобы все было на мази, ясно?

– Ясно, шеф, я понятливый!

– Иди!

Филипп вышел.

Ну вот, кажется, и все! Теперь остается завтра связаться с Рахтуром, с Ипатьевым, и надеяться на то, что вертолет полетит по обычному маршруту. Иначе – крах! Временный, но все же...

Дмитрий Сергеевич хоть и умел, но очень не любил проигрывать.

Глава восьмая

В четверг, в 14.10, встретив бригаду мастеров-ремонтников, майор Ипатьев сразу же связался с войсковой частью, где базировался «Ми-2». Ответил дежурный:

- Старший лейтенант Андреев слушает!
- Майор Ипатьев! Мне нужен наш пилот Воротков.
- Подождите немного, посыльный вызовет его.

Через несколько минут:

- Воротков на связи, товарищ майор!
- Борт к полету готов, Миша?
- Как всегда!
- Тогда мы сейчас же выезжаем в часть.
- Вы тоже полетите?
- Да! – неожиданно даже для себя вдруг принял решение майор Ипатьев. – Посмотрю, что там, на прииске, чем люди дышат, как обстановка.
- Жду вас!

Вскоре фургон с Ипатьевым, двумя милиционерами охраны, вооруженными короткоствольными автоматами, облаченными в бронежилеты, и тремя ремонтниками выехал в расположение войсковой части.

«Ми-2» поднялся ровно в 16.00, о чем по радиии было сообщено на прииск. Вертолет пошел по ОБЫЧНОМУ маршруту.

Находящиеся в засаде на горе Малой с Серым, а за рекой Сулема со Шмелем проводили взглядом винтокрылую машину, когда та обошла Соловьиную гору и пошла к прииску. Хоза посмотрел на часы. 16.28.

Вертолет встречал Жилин.

Увидев Ипатьева среди пассажиров, он развел в приветствии руки:

– Вот уж кого не ожидал встретить сегодня, так это тебя, Федор Олегович!

– А я вот решил навестить вас!

– Милости просим! Таким гостям всегда здесь рады! Подожди немного, я ремонтникам задачу поставлю, поговорим.

Жилин подошел к бригаде мастеров и вместе с милиционерами охраны повел их в бункер, где находился главный сейф. Вышел оттуда и сразу к Ипатьеву. Тот кивнул в сторону бункера:

– Так вот вы где храните свое богатство?

– Какое же оно мое? Государственное!

– Извините, оговорился.

– Давай на «ты», Федя, что ты все мне выкаешь?

– Привычка, но согласен, перейдем на «ты».

– Так-то лучше, а что, хранилище выглядит невзрачным и доступным?

– Да не так чтобы уж очень!

– А ты вниз спустись! Все основное под землей!

– Да ну! Пусть туда спускаются те, кому это положено.

– Как хочешь!

– Дмитрий Сергеевич, не прими за недоверие, давай проверим наличие твоего личного состава.

– Без проблем, но сделать это можно только документально. Построить перед тобой весь персонал при всем желании, извини, я не могу.

– Давай документально.

– Пройдем тогда в контору.

В вагончике, примыкающем к жилинскому, сидел пожилой мужчина в очках. Жилин представил его:

– Мой заместитель, Крутов Евгений Алексеевич. Он ведет весь учет, включая и кадры. А это, Евгений Алексеевич, – указал Жилин на майора, – начальник милиции Рахтура, Федор Олегович Ипатьев!

– Очень приятно!

– Евгений Алексеевич, что там у нас с работниками? Кто, где?

– Шмелев Геннадий Иванович в отпуске, еще две недели гулять будет в Москве. И Сулейманов Хоза, которого вы, Дмитрий Сергеевич, отпустили в отпуск за свой счет. Остальные на месте, утром проверял. Да еще особист болен, находится в Рахтуре, но он в наш штат не входит.

– А по какой причине, простите, Сулейманов отпросился?

– На рыбалку! Рыбак отчаянный, почти месяц просился. Уговорил-таки.

– И где рыбачит?

– Вот этим не интересовался, Федя! Да ты его на пикнике в субботу увидишь, там и расспросишь лично.

– Он и лодку взял?

– Конечно! Плоскодонку ветхую, со слабеньким моторчиком. Одного еще выдержит, а вот двух уже нет, пойдет на дно. Мы ее на списание готовим, отслужила свое! Остальной плавсостав на месте, желаешь проверить?

– Просто взглянуть!

– Тогда пойдем на причал!

Ипатьев осмотрел «флотилию» прииска, он знал ее состав. Кроме указанной плоскодонки, все катера и лодки действительно стояли на причоле!

– Ну что? – спросил Жилин. – Убедился, сыщик?

– Ты не обижайся, Дмитрий Сергеевич, служба такая, не личная прихоть.

– Да все я понимаю.

Они вернулись и поднялись в вагончик Жилина.

– Выпить не хочешь, Федор Олегович?

– Дождемся выходных? Сейчас не могу.

– Палатку я тебе приготовил, с шампанским!

– Это уже лишнее, – слегка покраснел Ипатьев.

– Не скажи! Дамы обожают шампанское, особенно в необычной, интимной обстановке, на своем опыте проверил.

– Ну ладно, спасибо!

Вошел один из ремонтников:

– Товарищ Жилин?

– Слушаю вас!

– Мы закончили. Проверьте работу, пожалуйста, и подпишите акт!

– Что за поломка? – спросил вдруг Ипатьев.

Жилин холодно взглянул на начальника милиции, но тот этого не заметил.

– Замена среднего замка, если вам это что-то скажет, а точнее – фиксаторы вышли из строя.

– Это серьезная поломка? – продолжал допытываться Ипатьев.

– Дверь может наглухо заклинить, придется вывозить и взрывать!

– Значит, ремонт был необходим?

– Однозначно!

– Спасибо, больше вопросов не имею. Что дальше, Дмитрий Сергеевич? – как ни в чем не бывало обратился майор к Жилину.

– Идемте, я проверю работу, загрузим золото, взвесим, загрузим в контейнер и в путь, чтобы вы успели вернуться за светло, а вы, – обратился начальник прииска к ремонтнику, – давайте своих ребят на борт.

Жилин с Ипатьевым подошли к хранилищу. Начальник прииска спустился вниз, осмотрел замки, подписал акт, отдал команду своему заместителю взвесить и загрузить золото. Вскоре из подземелья четверо рабочих вынесли небольшой металлический ящик, рядом шли Жилин и Крутов, а

также милиционеры охраны. Начальник прииска подписал еще какую-то бумагу, передал ее пилоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.